

Трилогия «Слово против слова»

ПЕРЕВОДЧИЦА

Елена Копс

Остросюжетный роман

18+

Елена Копс

Слово против слова. Переводчица

«Автор»

2026

Копс Е.

Слово против слова. Переводчица / Е. Копс — «Автор», 2026

«Слова улетают. Цифры остаются». Это единственное правило, которому судебный переводчик Вера Лисовская доверяла безоговорочно. Пока не обнаружила свою подлинную подпись под сфабрикованным протоколом допроса. Материалы громкого уголовного дела против теневого хозяина порта Марка Раевского подделаны. Теперь Вера — мишень для продажной системы, готовой сжечь её заживо ради захвата власти в городе. Единственное безопасное место в штормовом Зееграде — особняк самого обвиняемого, запертого под домашним арестом. Раевский предлагает ей защиту в обмен на честные показания в суде. Но Вера не догадывается, что её спаситель хладнокровно позволил врагам уничтожить её жизнь, чтобы загнать в свой капкан и получить идеального свидетеля. Ей нужна правда. Ему — она. Но когда ложь Раевского и предательство самых близких людей выйдут наружу, им придется решать: уничтожить друг друга или бросить вызов тем, кто написал для них этот смертельный сценарий.

© Копс Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1	5
Глава 2	8
ГЛАВА 3	14
ГЛАВА 6	29
ГЛАВА 7	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Елена Копс

Слово против слова. Переводчица

ГЛАВА 1

Omertà (um.) - Закон молчания.

В арбитражном суде пахло мокрой шерстью, дешёвым растворимым кофе и старой бумагой. За окном во всю силу разворачивался Балтийский шторм, и дождь колотил в оконные рамы, заставляя их дребезжать при каждом сильном порыве ветра.

Судья, уставший мужчина лет пятидесяти с отёками под глазами, мельком глянул на показания итало-баскского поставщика, подшитые к делу.

- Итак, согласно документу, сторона ответчика признаёт факт *rescissione* — то есть технического расторжения контракта по обоюдному согласию...

- Прошу прощения, Ваша честь, - я слегка наклонила голову, щёлкнув колпачком автоматической ручки. - В представленном документе указано *risoluzione per inadempimento (npe-kpашение действия по умолчанию)*. Это не обоюдный отказ. Это расторжение в одностороннем порядке из-за существенного нарушения условий одной из сторон. Разница в три миллиона рублей неустойки.

Адвокат ответчика поморщился, а судья медленно перевёл на меня тяжелый взгляд над дужкой очков.

- Вы уверены, Вера Андреевна?

- Я переводила этот документ дважды, - ответила я спокойно, положив ладони на полированный стол. - Можете вызвать независимого эксперта, но в итальянском договорном праве эти термины не взаимозаменяемы.

В зале зашуршали бумагами. Судья вздохнул, сделал пометку в деле и отложил папку. Обычный рабочий момент. За восемь лет работы в судах Зееграда ко мне привыкли: Лисовскую не уговоришь «смягчить» формулировку. Я не додумываю за свидетелей, не сглаживаю углы и не пытаюсь спасти тех, кто путается в собственных показаниях. Моя работа — точность. Слова улетают, а то, что занесено в протокол и подкреплено подписью, становится законом.

Через час меня перехватили в мраморном холле первого этажа. Секретарь из третьего состава, взмыленный парень с растрёпанным чубом, едва не сбил меня с ног.

- Вера! Слава богу, ты ещё здесь. Поднимись в третий зал. Там закрытое по Раевскому - продление меры пресечения. Нас попросили срочно вызвать переводчика, который вел допрос Феррары.

Я замерла, не донеся стаканчик с кофе до губ.

- Допрос Феррары был четыре недели назад. Моя работа там закончена.

- Обвинение предъявляет протокол. Защита заявляет возражения, требуют подтвердить аутентичность перевода подписи. Пожалуйста, зайди, это буквально на десять минут.

У меня было запланировано ещё два перевода на вечер, но процедура есть процедура. Я выбросила пустой стаканчик в урну, поправила лацканы строгого жакета и поднялась по широкой лестнице из тёмного гранита.

В зале №3 потолки были высокими, а окна выходили прямо на каналы порта. Из-за тумана за стеклом казалось, будто за стенами здания нет ничего, кроме серого ничего, рассеяемого редкими вспышками маяка.

Марка Раевского я увидела сразу.

Он сидел на скамье подсудимых за стеклянным ограждением — крупный, тяжелый, в простом сером свитере, без галстука и привычного для людей его положения лоска. Короткая

седина на висках, рваный шрам через левую бровь. На его правой щиколотке под штаниной угадывался выпуклый контур электронного браслета. Он не суетился, не шептался с адвокатом и вообще выглядел так, будто происходящее вокруг его касалось лишь косвенно.

Но когда тяжёлая дубовая дверь за моей спиной закрылась с глухим стуком, Раевский медленно поднял голову.

Его взгляд настиг меня мгновенно. Серые, абсолютно нечитаемые глаза. Ни страха, ни злости, ни надежды. Год назад, на том громком налоговом процессе, он смотрел точно так же. Владелец «Северной гавани», человек, держащий в кулаке половину портовой логистики Балтики, стоял перед угрозой уголовного срока и сохранял абсолютное, почти пугающее спокойствие.

– Встать, суд идёт, – выкрикнул секретарь.

Я прошла к трибуне для свидетелей и специалистов, положив перед собой блокнот.

Государственный обвинитель Рыжов – грузный мужчина с сальным затылком – поднялся со своего места, поправив кипу листов.

– Ваша честь, стороной обвинения получены ключевые материалы по делу об убийстве инспектора таможенной службы Лапина. В частности, протокол допроса второго помощника капитана сухогруза «Santa Chiara», гражданина Италии Луки Феррары. Допрос проводился в присутствии аккредитованного переводчика Лисовской Веры Андреевны.

Рыжов повернулся ко мне, нацепив на лицо подобие дежурной улыбки.

– Вера Андреевна, подписи на листах протокола принадлежат вам?

Он протянул документы через секретаря. Я взяла пухлую папку. Каждая страница была заверена моей личной подписью – ровным, привычным росчерком с завитушкой на конце.

– Да. Подпись моя.

– В таком случае, с разрешения суда, я зачитаю фрагмент показаний гражданина Феррары от двадцать четвёртого октября, страница четырнадцать, абзац третий, – Рыжов откашлялся и громко, подчёркивая каждое слово, зачитал: – «Вопрос следователя: Кто именно присутствовал при передаче документов на причале №7? Ответ Феррары: Я видел Раевского. Он стоял у машины. Потом он сказал своему человеку: "Убери его, он слишком много знает". После этого прозвучал выстрел».

В зале наступила тишина. Слышно было только, как за окном гудит ветер и скрипит старый паркет под ногами конвоира.

У меня внутри всё заledenело.

Я отчетливо помнила тот допрос. Четырнадцать часов в прокуренном кабинете следственного отдела. Лука Феррара, перепуганный неаполитанец с трясущимися руками, который едва изъяснялся на литературном итальянском и постоянно сбивался на диалект.

Он *никогда* этого не говорил.

Феррара повторял одну и ту же фразу: «Я видел человека в сером пальто возле контейнеров, но из-за тумана не разглядел лица». Он вообще не называл фамилию Раевского.

Я снова перевела взгляд на страницу. Под прямым прямым текстом, которого я никогда не переводила, стояла моя подпись. Настоящая. Сделанная моей чернильной ручкой.

– Переводчик Лисовская? – голосом судьи Беловой зазвенело легкое раздражение. – Вы подтверждаете, что текст протокола полностью соответствует сказанному свидетелем Феррарой на допросе?

Воздух в груди стал плотным, как кисель. Мозг судорожно прокручивал варианты.

Скажи прямо сейчас. Заяви о подделке.

Если я заору прямо сейчас, в зале суда, без доказательств, без сверки со своим рабочим дневником – меня просто выведут. Скажут, что у переводчицы стресс, истерика, что я пытаюсь развалить дело. Заведомо ложный перевод или отказ от показаний — это статья. Но главное: подпись-то моя! Как чернила оказались на этих листах?

Я посмотрела на прокурора Рыжова. Он смотрел на меня с едва заметным ожиданием. Затем я перевела взгляд за стекло.

Марк Раевский подался едва заметно вперёд. Его пальцы, сцепленные в замок на коленях, сжались так, что побелели костяшки. Он смотрел прямо мне в глаза.

Он понял.

Этот человек, которого обвиняли в заказном убийстве, прямо сейчас видел, как я заколебалась. Он понял, что фразы про «убери его» не было. Он был единственным человеком во всём этом зале, который знал правду.

Секунда растянулась в вечность.

– Переводчик Лисовская, я жду ответа, – повторила судья.

– Я... – голос давал сбои, пришлось откашляться. – На представленных листах действительно стоит моя подпись, Ваша честь. Но мне необходимо свериться с моими рабочими записями для подтверждения точности цитирования.

– У вас есть сомнения в собственной подписи? – въедливо уточнил Рыжов.

– У меня есть профессиональная привычка проверять контекст, господин прокурор, – резко ответила я, возвращая себе привычный холодный тон. – Допрос длился почти два часа. Без сверки с хронометражем я не могу подтвердить дословность переводимых фраз.

Судья поморщилась, глянула на часы и постучала ручкой по столу.

– Суд предоставляет вам время до завтрашнего заседания. Вы обязаны предоставить письменное подтверждение. Свободны.

Я забрала сумочку и, не глядя больше ни на кого, пошла к выходу. Спину жгло.

У самого выхода я на секунду обернулась. Раевский всё так же следил за мной взглядом. На его губах не было улыбки, но в глазах больше не было прежней отрешённости.

Он знал, что я солгала, промолчав. И он знал, что теперь я в этой игре вместе с ним.

Глава 2

Тяжёлый внедорожник двигался по мосту через залив, рассекая колёсами плотную пелену воды. Балтийский шторм набирал силу, бросая в тонированные стёкла горсти ледяных капель, похожих на мелкую шрапнель. Дворники работали на пределе, с глухим ритмичным стуком смахивая воду, но за окном всё равно оставалось лишь серое, размытое месиво. Зееград исчезал позади, растворялся в тумане, оставляя после себя только гудки портовых кранов, которые здесь, на побережье, ощущались скорее кожей, чем слухом.

Я смотрел на свинцовую воду залива, но видел перед собой совершенно другую картину. Зал суда. Дубовые панели. Пыльный свет из высоких окон. И её спину в строгом тёмно-сером жакете, когда она шла к выходу. Прямую, напряжённую спину женщины, которая только что поняла, что её имя стоит под чужими словами.

Она не сорвалась. Не начала кричать о подделке. Не стала оправдываться перед судьёй. Она просто щёлкнула колпачком своей ручки, заморозила взгляд и взяла паузу, выиграв себе сутки. Единственное верное решение в зале, где каждое слово записывается и может стать приговором.

Машина съехала с асфальта на бетонные плиты дороги, ведущей к косе. Ян Корсак, сидевший на переднем пассажирском сиденье, бросил на меня короткий взгляд через зеркало заднего вида. Он молчал всю дорогу от здания суда. Корсак вообще предпочитал тратить слова только на то, что имело прямое отношение к безопасности. Сейчас безопасность была относительной.

Мы миновали первый КПП. Тяжёлые стальные ворота медленно поползли в стороны, впуская машину на территорию «Маяка».

Мой дом. Моя крепость. Моя персональная, прекрасно оборудованная тюрьма.

Едва внедорожник пересёк невидимую границу участка, браслет на моей правой щиколотке коротко завибрировал. Глухой пластиковый щелчок где-то внутри механизма зафиксировал, что подследственный Раевский Марк Александрович вернулся на территорию отбывания домашнего ареста. Система контроля получила свой сигнал. Я вышел из машины, игнорируя охранника с раскрытым зонтом. Ледяной ветер мгновенно забрался под воротник свитера.

Я купил старую усадьбу смотрителя маяка десять лет назад. Оставил кирпичную башню, вросшую в дюны, а вокруг неё выстроил дом из бетона, стали и ударопрочного стекла. Место, где суша заканчивается и начинается неконтролируемая стихия. Мне нравилось смотреть на шторм из-за бронированного окна. Теперь шторм смотрел на меня, зная, что я не могу сделать и шага за линию забора.

В холле пахло деревом и крепким кофе. Я скинул влажную куртку, передав её молчаливому парню из охраны, и направился к лестнице, ведущей в кабинет.

-

Он там, - негромко произнёс Корсак, следуя за мной в паре шагов позади. - Ждёт уже сорок минут. Извёлся весь. Три раза просил кофе, два раза выходил курить на террасу.

-

Пусть курит, пока может, - бросил я, поднимаясь по ступеням.

Виктор Гранин, финансовый директор холдинга «Северная гавань», действительно ждал меня в кабинете. Когда я толкнул стеклянную дверь, он резко обернулся от панорамного окна. Его дорогой костюм итальянского кроя сидел на нём так, словно Гранин за последние полчаса усох на пару размеров. На лбу блестела испарина. Он попытался изобразить на лице уверенность, но вышло жалко. Запах его страха был плотным, почти осязаемым, он смешивался с ароматом дорогого парфюма и давал тошнотворный химический оттенок.

-

Марк Александрович, - Гранин сделал шаг навстречу, нервно потирая руки. - Я приехал сразу, как только получил отчёт с седьмого причала. Ситуация... она вышла из-под контроля, но мы уже принимаем меры.

Я не ответил. Прошёл мимо него к своему столу - массивному куску морского дуба, бросил на столешницу ключи. Медленно обошёл стол, выдвинул кресло и сел. Всё это время Гранин стоял посреди кабинета, переминаясь с ноги на ногу. Тишина затягивалась, превращаясь в удавку на его шее. Я смотрел на него, не мигая. Изучал. Человек, которому я платил огромные деньги за бесперебойную работу финансовых артерий порта, сейчас выглядел как вор, пойманный на мелкой краже.

-

Сорвана поставка, - наконец выдал из себя Гранин, не выдержав моего молчания. Его голос дрогнул, сорвался на высокой ноте, и он торопливо откашлялся. - Тридцать контейнеров для «Нордлайна». Таможня внезапно заморозила оформление. У них сменилась смена, вышел новый инспектор, он затребовал дополнительные накладные. Я пытался дозвониться до их начальника, но он вне зоны доступа. Вы же понимаете, Марк, после убийства Лапина они дуют на воду. Это форс-мажор. Мы не могли предусмотреть...

-

Сядь, Виктор.

Мой голос прозвучал тихо. Почти шёпотом. Но Гранин рухнул в гостевое кресло так, будто ему подрезали сухожилия.

Я никогда не повышал голос на своих людей. Крик - это потеря контроля. Крик означает, что эмоции управляют тобой, а не ты ими. В девятнадцать лет, работая грузчиком в старом порту, я ломал челюсти тем, кто не понимал слов. Сейчас мне было тридцать восемь, я владел половиной города и знал, что настоящий страх рождается не от громкого звука, а от абсолютной, ледяной тишины, в которой произносится приговор.

-

Форс-мажор, - повторил я, пробуя слово на вкус. - Это когда в заливе шторм обрывает швартовы. Или когда кран ломается пополам от усталости металла. А то, о чём ты мне сейчас рассказываешь, Виктор, это не форс-мажор.

Я подался вперёд, опираясь локтями о стол. Гранин вжался в спинку кресла.

-

Ты знал о смене инспекторов ещё три дня назад. Корсак положил мне на стол сводку по таможне во вторник. Если это знал мой начальник охраны, почему этого не знал финансовый директор, курирующий контракт с «Нордлайном»?

-

Я... мне не передали... логисты клялись, что всё схвачено... - Гранин начал заикаться, капли пота потекли по его вискам.

-

Логисты работают с цифрами. Ты работаешь с людьми, - я продолжал говорить всё тем же ровным, лишённым красок шёпотом. Каждое слово падало в тишину кабинета, как свинцовая дробь. - Тридцать контейнеров стоят на причале. Простой судна обходится мне в двенадцать тысяч долларов в сутки. Неустойка по контракту сожрёт квартальную премию всего твоего отдела. Но дело даже не в деньгах, Виктор. Дело в том, что ты пришёл сюда оправдываться, вместо того чтобы решать проблему.

-

Марк Александрович, клянусь, я всё исправлю! Дайте мне сутки. Я лично поеду к начальнику таможни домой. Я подключу резервные фонды...

-

Ты поедешь в свой офис. Соберёшь вещи. И передашь дела Антону.

Гранин побледнел так стремительно, что его лицо приобрело оттенок грязного мела.

-

Марк... вы увольняете меня? За одну накладку? Я отдал компании шесть лет! Я выстраивал эти схемы...

-

Ты допустил слабость в момент, когда против меня шьют уголовное дело, - я чуть наклонил голову, глядя ему прямо в расширенные от ужаса зрачки. - Они ищут любую трещину в нашей защите. Любой повод заморозить активы. А ты сам приносишь им эту трещину. Если ты не можешь провести груз через таможеню, значит, ты мне не нужен. Радуйся, что ты просто уволен, Виктор. Если я узнаю, что в этой задержке был твой умысел или твоя доля от «Норд-лайна»...

Я не стал заканчивать фразу. В этом не было необходимости. Гранин прекрасно знал, на чём строился мой бизнес раньше, и понимал, какими методами я умею защищать то, что моё. Легальный статус холдинга был лишь красивым фасадом. Фундамент всегда держался на силе и верности.

-

Я понял, - одними губами прошептал Гранин. Он с трудом поднялся, цепляясь влажными пальцами за подлокотники. - Я всё передам.

-

Свободен.

Гранин попятился к двери, споткнулся о край ковра, нелепо взмахнул руками, но удержал равновесие. Он выскочил из кабинета, даже не прикрыв за собой дверь.

Я откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза. В висках медленно пульсировала глухая боль. Запах чужого животного страха всё ещё висел в воздухе, и мне захотелось открыть окно, чтобы впустить морозный штормовой ветер.

В дверном проёме бесшумно выросла фигура Корсака. Он проводил взглядом спину убегающего финансового директора, затем перевёл спокойные глаза на меня. Корсак не задавал вопросов о Гранине. Для начальника моей охраны существовали только те угрозы, которые можно было остановить пулей или кулаком. Финансовые интриги он оставлял мне.

-

Ян, - я открыл глаза и посмотрел на него. - Проследи, чтобы она доехала домой. Не подходи. Просто води её от суда до двери.

Корсак едва заметно нахмурился. Он знал, о ком я говорю. Ему не нужны были фамилии.

-

Снять наружку после того, как войдёт в квартиру? - уточнил он своим обычным сухим тоном, в котором никогда не было ни удивления, ни осуждения.

-

Оставь машину до утра. Пусть сидят в квартале от неё. Если заметят хвост от прокурорских или людей Кравца - не вмешиваться без прямой угрозы её жизни. Просто фиксировать. Я хочу знать, кто именно попытается на неё надавить.

-

Понял.

Корсак кивнул. Он шагнул в кабинет, прикрыл за собой дверь и подошёл к бронированному сейфу, вмонтированному в стену за книжными стеллажами.

-

Открыть папку? - спросил он, положив широкую ладонь на металлическую панель.

Внутри, на средней полке, лежала серая картонная папка. Досье. Адреса, телефоны, привычки, маршруты, распечатки звонков. Корсак собрал эту папку год назад, на следующий день

после того налогового процесса. Собрал по собственной инициативе, просто потому, что увидел, как я на неё смотрю.

И за весь этот год я ни разу не открыл замок сейфа ради этой папки.

-

Нет, - твёрдо сказал я, отворачиваясь к окну.

Это была моя личная граница. Моё правило, которое я установил сам для себя. Я контролировал всё в этом городе. Знал расписание паромов, тарифы на взятки в портовой таможне, знал, кто с кем спит в мэрии и кто кому должен в полиции. Контроль был моей религией. Он появился в тот день четырнадцать лет назад, когда я не взял трубку, увидев на экране телефон сестры. Семь пропущенных звонков, пока я обсуждал ставки фрахта. И её холодное тело в чужой квартире на утро. С тех пор я не пускал дела на самотёк. Я держал руку на горле каждого процесса вокруг себя.

Но не её. Вера Лисовская оставалась единственной зоной, куда я запретил себе вторгаться. Я знал о ней только то, что лежало на поверхности. Судебный переводчик. Безупречная репутация. Специфический, колючий характер. Пьёт кофе без сахара, но просит добавлять корицу - это я случайно услышал в буфете суда. И всё. Открыть папку означало сорваться. Означало признать, что эта женщина, которая даже не подозревает о моём существовании вне судебных стен, стала моей навязчивой идеей. Одержимостью, которую я кормил по капле.

Корсак убрал руку от сейфа, коротко кивнул и вышел, оставив меня одного.

Я встал, подошёл к стеклу и прижался горячим лбом к холодной поверхности. Шторм бушевал. Огромные чёрные волны с белыми гребнями разбивались о бетонный волнорез, рассыпаясь тысячами брызг.

Память безжалостно вернула меня на год назад.

Тот процесс по налогам должен был стать показательной поркой. Прокурорские хотели прижать холдинг, прицепившись к показаниям одного из моих итальянских капитанов. Они давили на него. Капитан плыл, путался в словах, пытался юлить. А она стояла за трибуной для специалистов. Высокая. Худая. В строгом, сером костюме.

Обвинение требовало от неё перевести спорную фразу так, чтобы в ней читался прямой умысел на уклонение. Я помню, как прокурор, брызгая слюной, нависал над её столом.

-

Переводчик, вы обязаны трактовать сомнения в пользу следствия! Это очевидный экономический термин! - орал он на весь зал.

Она даже не моргнула. Просто методично щёлкнула колпачком своей ручки, посмотрела на прокурора своими невозможными серыми глазами - глазами, в которых был не просто лёд, а абсолютный, пугающий профессиональный вакуум, - и ровным голосом ответила:

-

Господин государственный обвинитель. Я перевожу ровно то, что произносит свидетель. В итальянском языке есть разница между оптимизацией налоговой базы и уклонением. Капитан использовал термин "ottimizzazione". Если вы хотите услышать другое слово, вам придётся заставить его произнести это слово по-итальянски. Я не дописываю чужие сценарии.

В тот момент в зале стало очень тихо. И в этой тишине она посмотрела на меня.

Все остальные смотрели на меня со страхом. С заискиванием. С ненавистью. Для всех я был Раевским, хозяином порта, бандитом в дорогом свитере, человеком, способным сломать чужую жизнь одним звонком. А она посмотрела на меня без капли страха. Её взгляд был оценивающим, точным, словно она переводила не слова, а меня самого. Искала скрытый смысл. И не находя в моём лице угрозы для себя лично, спокойно отвернулась к своим бумагам.

Она не испугалась меня. И именно тогда дело развалилось. А я проиграл.

Сегодня я снова видел её в зале. Только теперь всё было иначе. За год её волосы стали короче, а под глазами залегли едва заметные тени усталости. Но её профессионализм никуда

не делся. Когда Рыжов зачитал этот кусок дерьма, названный протоколом, я наблюдал за ней. Я видел, как замерла её спина. Как её пальцы вцепились в края деревянной кафедры. Она поняла, что её подставили. Поняла, что её честное имя, единственное, чем она дорожила в этом грязном здании, использовали, чтобы закрыть меня за убийство, которого я не совершал.

Лука Феррара.

Имя итальянского моряка вспыхнуло в сознании красным сигналом тревоги. Мелкий, трусливый неаполитанец, второй помощник капитана, который внезапно дал такие стройные, идеальные показания против меня. Я потёр шрам на брови - старая привычка, когда нужно было сосредоточиться.

О Ферраре я думал коротко: я знаю о нём больше, чем хотел бы.

Я знал, почему следователи выбрали именно его. Знал, на чём его сломали. Феррара был моим человеком шесть лет назад. Я вытащил его из дерьма, оплатил операцию, дал работу. И тот факт, что сейчас именно его имя стоит в протоколе, который переводила Лисовская, не был совпадением. Шмелёв и его цепной пёс Кравец разыграли сложную, красивую партию. Они ударили по мне моими же бывшими людьми. И в эту схему идеально вписали Веру. Её репутация делала протокол пуленепробиваемым. Никто не поверит, что Лисовская подписала фальшивку.

А значит, как только она начнёт копать - а она начнёт, я видел это в её глазах, - её попытаются устранить. Идеальный свидетель, совершивший внезапное самоубийство от угрызений совести, оставив предсмертную записку с признанием. Дело закрыто. Раевский в тюрьме. Порт отходит «Нордлайну».

Я стиснул зубы так, что желваки отозвались болью. Они придут за ней. И я ничего не могу сделать отсюда, пока она сама не придёт ко мне. Если я пошлю к ней своих людей, она решит, что это я давлу на неё. Она гордая. Она побежит к тем, кому привыкла доверять, прямо в пасть к Шмелёву. Мне оставалось только ждать. Расчётливо, хладнокровно ждать, когда её мир рухнет, и она поймёт, что единственный безопасный квадратный метр в этом городе находится под крышей человека, носящего электронный браслет.

Я резко оттолкнулся от стола, вышел из кабинета и спустился на первый этаж, в библиотеку.

Комната тонула в полумраке, освещаемая только торшером с массивным латунным абажуром. Вдоль стен тянулись полки с книгами, пахло старой бумагой и кожей. На широком кожаном диване в центре комнаты лежала огромная чёрная гора мышц. Мой пёс, кане-корсо по кличке Бруно, приоткрыл один жёлтый глаз, посмотрел на меня с тяжёлой укоризной и шумно выдохнул, не меняя позы.

-

Ленивая скотина, - беззлобно сказал я, подходя к массивному столу.

На столе, среди бумаг по терминалу, лежал толстый словарь и учебник итальянской грамматики. Год. Я потратил год на то, чтобы понимать язык, на котором она думала. Я не мог подойти к ней, не мог заговорить, но я вгрызался в её мир через эти невыносимо мягкие, певучие слова, ломающие мой язык.

Я открыл учебник на странице с закладкой. Провёл пальцем по строчкам. Гортань, привыкшая отдавать короткие, рубленые приказы на погрузочной площадке, сопротивлялась итальянской фонетике.

-

La verità non ha bisogno di scuse, - медленно, по слогам прочитал я вслух. Правда не нуждается в оправданиях. - La verità...

Акцент был чудовищным. Слишком жёстким. Слишком русским. Я бросил взгляд на собаку. Когда я брал Бруно щенком, я решил дрессировать его на итальянском. Мне казалось

это забавной идеей. Проблема заключалась в том, что пёс отказывался воспринимать мои лингвистические потуги всерьёз.

-

Бруно, - я выпрямился. - Seduto. Сидеть.

Пёс лениво приподнял огромную квадратную голову. Посмотрел на меня. В его взгляде читалось отчётливое собачье сомнение в моих умственных способностях. Он зевнул, продемонстрировав набор зубов, способных перекусить бедренную кость, и снова уронил голову на лапы.

-

Seduto, я сказал, - с нажимом повторил я.

Бруно закрыл глаза и притворился спящим. Он слушался меня беспрекословно на русском. На языке жестов. На языке взглядов. Но стоило мне попытаться заговорить с ним по-итальянски, он превращался в глухой кусок чёрного мрамора. Моё произношение его не устраивало.

Я усмехнулся, закрыл учебник и бросил его на стол.

За окном библиотеки глухо завывал ветер, швыряя в стекло пригоршни песка с дюн. Я стоял в полутёмной комнате, окружённый охраной, запертый в собственном доме, и понимал одну простую вещь.

В эту ночь я не усну. Я буду сидеть здесь, смотреть на цифры в телефоне и ждать звонка от Корсака, молясь всем известным богам, чтобы она оказалась достаточно умной и не наделала ошибок до того момента, как её страх приведёт её к моим воротам.

ГЛАВА 3

Piano, piano, si va lontano (ит.) - «тише едешь - дальше будешь». Папа говорил это, когда я торопилась. Большие никто не говорит мне этого.

Дождь колотил в круглое окно мансарды с такой монотонной яростью, будто задался целью пробить стекло и затопить мою квартиру. Я сидела на полу, подтянув колени к груди, и смотрела на потемневшую от воды деревянную раму. Дом тысяча девятьсот восьмого года постройки скрипел под порывами балтийского шторма, жалуясь на старость. Моя крепость под самой крышей. Моё убежище. Место, где всегда пахло пыльными книжными переплётками, старой древесиной и остывшим кофе из старой гейзерной кофеварки.

Сегодня стены этой крепости казались мне сделанными из тонкого картона.

Я передёрнула плечами. Холод, который забрался под плотный свитер ещё там, в зале областного суда, никак не хотел уходить. Он влез в кости, заморозил кровь, оставил после себя липкое ощущение абсолютной незащитности. На низком журнальном столике стояла недопитая чашка. Кофе давно остыл, корица осела на дно тёмным горьким слоем. Я не приоткрылась к нему с тех пор, как вернулась домой.

Рядом с чашкой лежал мой рабочий дневник.

Обычная записная книжка в плотной чёрной обложке из кожзаменителя. Моя страховка. Моя профессиональная память, которая не даёт сбоев, не поддаётся чужому давлению и не умеет лгать в угоду обстоятельствам.

Я протянула руку и провела кончиками пальцев по корешку. Глубокий вдох. Выдох. Воздух в легких казался колючим. Я открыла дневник на закладке с датой «24 октября».

Страницы были исписаны моим убористым мелким почерком. Синие чернила. Никаких помарок или зачеркиваний. Я всегда пишу так, чтобы потом не тратить время на расшифровку собственных каракулей, когда судья или следователь просит поднять записи.

- Допрос свидетеля Феррары Л., - прочитала я вслух, и собственный голос в пустой квартире прозвучал чужо и хрипло, словно принадлежал совершенно другому человеку.

Я начала скользить взглядом по строчкам, восстанавливая в памяти тот промозглый осенний день. Кабинет следователя Гореловой на третьем этаже серого здания следственного отдела. Там всегда было душно. Пахло дешёвым табаком, который курили на лестничной клетке оперативники, и нагретым пластиком от старого системного блока компьютера. За прикрученным к полу столом сидел Лука Феррара. Тридцать четыре года, второй помощник капитана итальянского сухогруза «Santa Chiara». Смуглый, сильно осунувшийся мужчина с тёмными кругами под глазами. У него тогда мелкой дрожью тряслись руки. Он постоянно теребил край своего растянутого свитера и смотрел то на следователя, то на меня - как на единственного человека в этой враждебной системе, который способен понять его язык.

14:05. Начало записи. - гласила первая строчка в моем дневнике.

Я отчётливо помнила, как в углу кабинета тихо гудела камера видеофиксации. Маленький красный огонёк смотрел на нас немигающим искусственным глазом, фиксируя каждое движение.

14:12. Вопрос об обстоятельствах вечера на причале. Ответ: Non ho visto niente di speciale. (Я не видел ничего особенного).

Он старался говорить на литературном итальянском, но когда волновался, его интонации начинали плыть. Он проглатывал окончания. Срывался на свой родной неаполитанский диалект, добавляя в речь словечки, которые не найдёшь в академических словарях. Я делала аккуратные пометки на полях каждый раз, когда ловила эти фонетические сдвиги. В официальном переводе для протокола это редко имеет значение, но для меня это всегда были маркеры. Диалект обнажает состояние человека. Показывает уровень его стресса.

Я перевернула страницу. Сердце забилося быстрее, отдаваясь пульсирующим стуком где-то в горле.

14:28. Вопрос следователя Гореловой о людях на причале №7. Ответ: C'era nebbia. Ho visto solo un uomo col cappotto grigio. (Был туман. Я видел только человека в сером пальто).

Я провела ногтем по этим словам. Уомо коль каппотто гриджо. Человек в сером пальто. Никаких конкретных имён. Никакого упоминания владельца порта Раевского. Никакого приказа «убери его», который сегодня так уверенно зачитал в суде государственный обвинитель Рыжов.

Я читала дальше, впитывая каждую строчку, каждое записанное слово, каждую паузу, которую я успела зафиксировать на бумаге.

14:32. Резкий звук. На полях стояла моя торопливая пометка: *Гудок парома.* Старый паром, связывающий Зеград с косой, гудел всегда строго по расписанию. Этот звук был настолько мощным и низким, что пробивался даже сквозь закрытые пластиковые окна следственного отдела, заставляя вибрировать стёкла в рамах и воду в графине на столе. Феррара тогда сильно вздрогнул, вжал голову в плечи и замолчал на полуслове, потеряв мысль. Я отметила это время автоматически. Просто привычка фиксировать внешние раздражители, влияющие на ход допроса.

Я листала страницы дальше. Допрос длился долго и мучительно. Феррара путался в номерах грузовых контейнеров, жаловался на сильную головную боль, постоянно просил воды. Горелова давила на него, пытаясь выбить хоть какую-то конкретику по контрабандным схемам, но итальянец стоял на своём. Он ничего не видел. Только туман и силуэт в сером пальто.

15:47. Окончание допроса. Камера выключена.

Я помню, как Феррара тяжело выдохнул, уронив влажное от пота лицо в ладони. Я молча собирала свои ручки и блокноты в сумку, а в кабинет заглянул Аркадий Сёмин - пожилой техник видеофиксации следственного отдела. Невысокий, сутулый человек в вытянутом жилете, от которого вечно пахло корвалолом и копчёной рыбой. Он пришёл забирать флешку с видеозаписью для архива.

Я опустила глаза на самую нижнюю строчку последней страницы. Там была дословно записана фраза Сёмина, брошенная им тогда Гореловой. Я записала её машинально, пока ждала, когда следователь подпишет мой пропуск на выход.

15:49. Запись ушла на резерв. Сёмин: "У меня всё дублируется, Ирочка. Я параноик, мне до пенсии месяц остался, сюрпризы не нужны".

Я захлопнула дневник. Звук удара страниц друг о друга показался в тишине комнаты оглушительно громким.

Всё было здесь. Вся правда была надёжно зажата между этими картонными обложками. Допрос длился ровно один час и сорок две минуты. Никакого признания вины со стороны Раевского. Никакого упоминания его фамилии.

Кто-то взял настоящий протокол. Выкинул нужные листы. Впечатал туда совершенно другой текст, выгодный обвинению. И поставил под ним мою подпись.

Я подняла левую руку и долго смотрела на свои пальцы. Моя подпись. Как они это сделали? Просто скопировали? Перевели через стекло на просвет, как делают школьники? Нет, техническая экспертиза в суде сразу выявит грубую подделку. Защита Раевского в лице вездливой Эльвиры Штерн не пропустит такую оплошность. Значит, работали очень чисто. Возможно, подсунули мне эти листы в кипе других рутинных бумаг, когда я расписывалась в бухгалтерии или в канцелярии за оплату перевода? Я всегда стараюсь проверять, что именно подписываю. Всегда.

Но упрямый факт оставался фактом: в материалах уголовного дела, которое должно отправить на пожизненное заключение самого опасного и влиятельного человека в городе, лежит дешёвая фальшивка, официально заверенная моим именем.

Я закрыла глаза и прижалась затылком к холодной стене.

Память услужливо, совершенно без спроса, швырнула меня на пятнадцать лет назад.

Мне четырнадцать. За окном бушует не зееградский осенний шторм, а промозглый петербургский ноябрьский вечер. Кабинет моего отца в нашей старой квартире на Васильевском острове. Тяжёлые бархатные портьеры, мягкий свет от зелёной лампы на массивном столе. Густой запах крепкого трубочного табака и дорогого итальянского одеколона.

Мой отец, Андрей Лисовский, сидит за столом. Один из лучших синхронистов страны. Человек, чей спокойный голос звучал на международных правительственных саммитах и закрытых коммерческих переговорах. Он курит, слегка прищурившись сквозь сизый дым, и внимательно смотрит на меня. Я стою перед ним с перепачканными чернилами пальцами, расстроенная до слёз из-за какой-то нелепой ошибки в учебном переводе сложного текста. Я тогда перепутала два похожих слова, исказив смысл целого абзаца.

- Верина, - его голос звучит густо, бархатно, с теми самыми едва заметными итальянскими интонациями, которые он навсегда впитал за годы долгой работы в Генуе. - Ты расстраиваешься из-за букв. Но буквы - это всего лишь вода.

Он берёт мой школьный блокнот, переворачивает испорченную страницу и быстрым движением карандаша рисует на чистом листе циферблат.

- Запомни главное правило нашей работы. Слова улетают. Их можно перевернуть в свою пользу. Их можно забыть. Их можно специально вырвать из контекста, чтобы уничтожить человека. Люди врут, Верина. Люди врут постоянно, даже когда искренне думают, что говорят чистую правду. Но цифры не врут никогда.

Он стучит кончиком графитового карандаша по нарисованным часам.

- Время. Дата. Тайм-код. Фиксируй реальность вокруг слов. Если кто-то кашлянул на двадцатой минуте допроса - запиши это. Если за окном завывала полицейская сирена - запиши точное время. Слова можно подделать или купить. Но если ты намертво привязала слово к объективной реальности, к конкретной секунде в физическом пространстве - эту конструкцию уже никто не сможет сломать. Слова улетают, цифры остаются. Ты поняла меня?

- Поняла, папа, - шёпотом ответила я тогда, вытирая испачканные щёки.

Через два месяца после этого разговора он вышел на арендованной яхте в залив. Начался внезапный сильный шторм. Береговая охрана искала его несколько дней, но нашла только обломки пластикового борта на камнях. Тело так и не всплыло. Мой привычный мир рухнул в одночасье. Мать быстро вышла замуж во второй раз и уехала жить в Москву, оставив меня учиться существовать в пустой квартире заново, общаясь со мной только сухими формальными звонками по праздникам.

И единственное, что у меня по-настоящему осталось от отца, - это его профессия. И эта ввевшаяся в подкорку привычка. Судорожная, почти маниакальная потребность фиксировать время. Привязывать чужие слова к реальности.

Я открыла глаза. Чёрный дневник лежал на столе. Папа был прав. Слова улетели. Их безжалостно стёрли и написали новые, чужие. Но цифры остались. У меня были тайм-коды. И у меня был резервный сервер областного суда, куда, если верить болтливому технику Сёмину, ушла оригинальная видеозапись допроса в 15:49.

Мне нужно было действовать. Сидеть в пустой холодной квартире и тупо смотреть на дождь - это верный путь к панике. А паника в моей ситуации была равносильна добровольному подписанию чистосердечного признания.

Я вскочила с пола. Затёкшие ноги отозвались тупой болью, но я не обратила на это внимания. Достала из шкафа тёплую чёрную водолазку, сменила домашние штаны на строгие плотные джинсы. Накинула осеннее пальто.

Кому я могла сейчас довериться? Следовательно Ирине Гореловой? Она вела этот допрос. Вполне возможно, что она сама и подменила листы протокола по приказу начальства. Поли-

ции? Раевский владеет портом и половиной этого города, местная полиция либо давно куплена им с потрохами, либо до дрожи в коленях боится тех людей сверху, которые сейчас пытаются его посадить.

В моей жизни был только один человек, обладающий достаточной властью.

Олег Викторович Шмелёв. Заместитель прокурора области. Ближайший друг моего покойного отца. Человек, с которым они когда-то вместе ездили на рыбалку в Карелию, пили дешёвый коньяк на тесной кухне и до хрипоты спорили о политике. После исчезновения папы именно дядя Олег оплачивал мои первые серьёзные языковые курсы. Именно он выбил мне целевую квоту на стажировку. Он же рекомендовал меня в суды Зееграда, поручившись за мою надёжность. Он был моей каменной стеной, моим негласным опекуном, самым близким к понятию «семья» человеком в этом вечно холодном и туманном городе.

Я сунула дневник в кожаную сумку и выбежала на лестницу.

По дороге к дому Шмелёва я заехала в круглосуточный копицентр на углу проспекта. Яркий люминесцентный свет резал уставшие глаза. Сонный студент за кассой не обратил на меня ровным счётом никакого внимания. Я положила дневник на холодное стекло сканера и методично, страницу за страницей, откопировала все записи за двадцать четвёртое октября. Аппарат монотонно гудел, выплёвывая тёплые, пахнущие озоном и дешёвой краской листы. Я сложила их пополам и убрала во внутренний карман пальто.

Дом Шмелёва находился в тихом, престижном историческом районе, где старые немецкие особняки прятались за высокими коваными заборами и густыми кронами деревьев. Я припарковала свою старую машину у мокрого тротуара, подняла воротник, защищаясь от ветра, и нажала кнопку звонка на калитке.

Олег Викторович открыл мне сам.

- Верочка? - он искренне удивился, увидев меня на пороге под проливным дождём. На нём был мягкий домашний шерстяной кардиган, очки привычно сдвинуты на кончик носа. В руке он держал какую-то толстую книгу. - Господи, девочка, ты почему в такую жуткую погоду... Что-то случилось?

- Мне нужна ваша помощь, дядя Олег, - мой голос предательски дрогнул, выдавая скопившееся напряжение.

- Заходи. Быстро заходи, простудишься на ветру.

В его большом доме было тепло. Страшно, невыносимо тепло. В просторной прихожей пахло корицей, свежей сдобой и дорогим паркетом. Этот запах всегда ассоциировался у меня с абсолютной безопасностью. Жена Шмелёва, тётя Нина, пекла лучшие яблочные пироги во всем городе. В глубине дома, в гостиной, тихо бормотал телевизор. Мягкий рассеянный свет от бра на стенах, толстые пушистые ковры, полностью глушащие шаги. Контраст с моей ледяной продуваемой мансардой и тем липким ужасом, который я принесла с собой с улицы, был настолько резким, что у меня слегка закружилась голова.

Шмелёв заботливо забрал моё мокрое пальто и провёл меня в свой рабочий кабинет. Здесь всё было пропитано основательностью и солидностью. Тёмные дубовые панели на стенах, ровные ряды юридической литературы в шкафах, массивный металлический сейф в углу. На одной из книжных полок, на самом видном месте, стояла фотография в простой деревянной рамке. На ней молодой смеющийся Шмелёв и мой отец держат огромную пойманную щуку на фоне карельского озера. Я всегда смотрела на это фото, когда приходила сюда. Оно было моим эмоциональным якорем.

- Садись, - он указал на глубокое кожаное кресло и сам сел напротив, отложив книгу. - Нина уже спит, чай делать не буду, давай сразу к делу. На тебе лица нет, Вера.

Я села на самый краешек кресла, сжимая ремень сумки так сильно, что побелели костяшки пальцев.

- Дело Раевского, - начала я, стараясь говорить максимально чётко и сухо, как привыкла делать на судебных заседаниях. - Сегодня днём меня срочно вызвали в суд. Сторона обвинения неожиданно предъявила протокол допроса Луки Феррары. В нём чёрным по белому написано, что Раевский лично отдал приказ убить таможенника Лапина. И под каждой страницей этого протокола стоит моя личная подпись.

Шмелёв нахмурился. Его лицо мгновенно потеряло домашнюю мягкость, стало профессионально жёстким, глубокие морщины у губ обозначились резче.

- Я читал эти материалы, Вера. Это ключевое доказательство вины. В чём проблема?

- Проблема в том, дядя Олег, что Феррара никогда этого не говорил.

В кабинете повисла тяжёлая, звенящая тишина. Слышно было только, как за окном ветер бьёт мокрыми голыми ветками каштана по стеклу. Шмелёв медленно снял очки и устало потёр переносицу.

- Ты абсолютно уверена? - тихо спросил он. - Прошёл почти месяц. Ты переводишь десятки сложных допросов каждую неделю. Человеческая память не идеальна...

- Я уверена, - резко перебила я, не позволив ему усомниться в моей компетентности. - Он не называл Раевского. Он всё время говорил только о человеке в сером пальто. Я не могла забыть такую деталь, это же основа всего обвинения! Кто-то намеренно подменил листы протокола и мастерски подделал мою подпись. Или каким-то обманом заставил меня расписаться на пустых листах в канцелярии. Если я завтра подтверждаю этот перевод, я сяду в тюрьму за лже-свидетельство. Если я откажусь от своей подписи сейчас без железобетонных доказательств - меня обвинят в преступном сговоре с защитой Раевского. Я в ловушке.

Шмелёв тяжело вздохнул и встал. Он подошёл к окну, заложив руки за спину. Его широкие плечи под мягкой шерстью кардигана казались ссутулившимися от груза ответственности.

- Подделка материалов уголовного дела такого уровня... - пробормотал он, глядя в тёмное стекло. - Это не уровень обычного следователя. Это система работает. Если то, что ты сейчас говоришь, правда, Вера, то кто-то очень хочет убрать Раевского. И им совершенно плевать, кого они раздавят по пути к цели.

Он обернулся ко мне. В его глазах читалось искреннее, глубокое беспокойство. То самое беспокойство, которое я видела в них пятнадцать лет назад, когда он пришёл в нашу квартиру сказать мне, что катер береговой охраны официально прекратил поиски моего отца.

- Ты кому-нибудь ещё об этом говорила? Гореловой? Адвокатам защиты?

- Нет. Сразу поехала к вам.

- Правильно, - он одобрительно кивнул. - Умница. Никаких резких движений. У тебя есть твои записи? Твой рабочий дневник?

- Да.

- Покажи мне.

Я потянулась к открытой сумке. Опустила руку внутрь.

Мои пальцы нащупали плотную кожаную обложку оригинального дневника. Я уже готова была вытащить его и передать Шмелёву. Человеку, который всю жизнь заменял мне отца. Человеку, который мог защитить меня силой закона, своим огромным опытом и прокурорскими погонами.

Но в ту секунду, когда я плотно обхватила холодный переплёт, что-то произошло.

Это не было осознанной, логически выверенной мыслью. Просто первобытный, глубокий инстинкт самосохранения, внезапно проснувшийся где-то в районе солнечного сплетения, ударил по натянутым нервам ледяной волной. Мелкие волоски на руках встали дыбом. Мой отец всегда учил меня не верить людям на слово. «Слова улетают. Цифры остаются». Этот дневник был не просто набором цифр на бумаге. Это было моё единственное физическое доказательство правды. Мой единственный щит. Если этот блокнот случайно исчезнет, потеряется

в кабинетах прокуратуры, я превращусь в истеричную дуру, которая бездоказательно пытается спасти криминального авторитета.

Отдать единственный оригинал в руки огромной системы, даже если это заботливые руки лучшего друга моего отца?

Мои пальцы медленно соскользнули с кожаной обложки. Я перевела руку во внутренний карман пальто, лежащего на соседнем стуле, и вытащила сложенные листы ксерокопий.

- Вот, - я протянула их Шмелёву. - Я сделала копии. Здесь полный хронометраж допроса со всеми отметками времени. Если официально запросить резервный сервер суда за двадцать четвёртое октября, точное время 15:49, там обязательно будет оригинальная видеозапись. Я отметила это в дневнике со слов техника.

Шмелёв взял листы. Он неспешно развернул их, надел очки и очень внимательно пробежал глазами по исписанным строчкам. Я пристально следила за малейшим изменением выражения его лица, но оно оставалось абсолютно непроницаемым. Только желваки едва заметно дрогнули под кожей.

Он аккуратно сложил копии и убрал их в глубокий карман своего кардигана.

- Я понял, - его голос снова стал успокаивающим, мягким, обволакивающим. Он подошёл ко мне и положил тяжёлую, по-домашнему тёплую ладонь мне на плечо. - Верочка, послушай меня очень внимательно. Ситуация откровенно дрянь. Если в этом деле замешаны серьёзные люди из управления, тебе может грозить реальная опасность.

- Что мне делать? - я подняла на него уставшие глаза.

- Ничего, - твёрдо сказал он. - Возвращайся домой. Запри дверь на все замки. Завтра на заседании скажи судье, что тебе нужно ещё время для сверки сложных терминов. Сошлись на плохое самочувствие. Иди в поликлинику, бери официальный больничный. Главное - всеми силами тяни время и молчи. Никому ни слова. Ни Гореловой, ни подругам, вообще никому. Ты меня поняла?

- Да.

- Я сегодня же подниму свои личные связи. Я найду, кто именно дёргает за эти ниточки, и вытащу твою подпись из-под удара. Я разберусь со всем этим. Обещаю. Но тебе нужно сидеть тихо и не привлекать внимание.

Я послушно кивнула, чувствуя, как невыносимое напряжение, державшее меня за горло последние несколько часов, начинает немного отпускать. Он разберётся. Он знает эту гнилую систему изнутри.

Мы вместе вышли в прихожую. Шмелёв подал мне слегка влажное пальто. Я надела его, чувствуя себя маленькой испуганной девочкой, которая пришла к большому взрослому с разбитой коленкой.

- Спасибо вам, дядя Олег, - сказала я, туго завязывая пояс.

- Глупости, - он по-отечески ласково похлопал меня по плечу. - Ты же мне как родная дочь. Поезжай домой. И будь очень осторожна на дороге, шторм только усиливается.

Я взялась за холодную латунную ручку двери. Повернула тугой замок.

- Вера, - негромко окликнул он меня.

Я обернулась. Шмелёв стоял в дверях своего тёплого, безопасного кабинета. Жёлтый свет падал на его седые волосы. Далеко за его спиной на полке всё так же стояла та самая старая фотография. Два смеющихся молодых мужчины и щука.

Он посмотрел на меня с такой странной, глубокой нежностью, от которой мне вдруг стало не по себе. В этой нежности было что-то пугающе окончательное. Как будто он прощался со мной навсегда.

- Андрей бы тобой гордился, - тихо произнёс Шмелёв, глядя мне прямо в глаза. И после короткой, звенящей паузы добавил: - Как никто.

Я замерла. Внутри снова, как тогда в кабинете, когда я только коснулась оригинала своего дневника, шевельнулся тёмный, липкий холод. Я коротко кивнула, так и не найдя нужных слов для ответа, толкнула тяжёлую входную дверь и шагнула под проливной ледяной дождь.

Уже сидя в салоне машины и прогревая двигатель, я всё ещё слышала его голос. *Андрей бы тобой гордился... как никто.*

Почему-то эта фраза совершенно не согрела меня. Она прозвучала не как слова утешения. Она прозвучала как приговор. Как эпитафия.

Я резко включила дворники, смахнула потоки воды с лобового стекла и вдавила педаль газа в пол, даже не подозревая о том, что обратный отсчёт времени до того момента, когда моя жизнь буквально превратится в пепел, уже пошёл на часы.

ГЛАВА 4

Ложный друг переводчика – слово, которое звучит знакомо и значит другое. Бывают и люди такие.

Едкий, химический запах еды, оставленной на раскалённой сковороде, ворвался в сон раньше, чем мозг успел зафиксировать опасность.

Я очнулась от того, что лёгкие обжёг сухой, шершавый воздух. В горле мгновенно засадило, во рту появился стойкий привкус горелой пластмассы и старой олифы.

Я сидела прямо на диване, даже не расстелив постель, в той же одежде, в которой приехала от Шмелёва. Сколько я проспала? За окном стояла непроглядная чернь, но часы на тумбочке молчали – экран был тёмным. Отключили электричество.

Сквозь щели в деревянных половицах пола пробивался жуткий, синеватый дым. Он не стелился туманом, а поднимался плотными, тяжелыми клубами, быстро заполняя пространство под скошенным потолком мансарды. Снизу, из коридора третьего этажа, доносился сухой, трескучий гул – словно кто-то гигантскими ножницами с хрустом крошил сухие сосновые ветки.

Пожар.

Сердце совершило болезненный кувырок и забилося где-то в гортани, отравляя кровь диким, чистым адреналином.

Я сорвалась с дивана. Ноги в плотных джинсах слушались плохо, в голове шумело. Главное – выскочить на лестницу. Дом старый, перекрытия деревянные, пропитанные вековой пылью и сухой краской, сгорят как спичка за считанные минуты.

Я бросилась к массивной входной двери. Чёрная кожаная сумка, с которой я не расставалась всю ночь, висела на плече – инстинкт сработал быстрее осознанной мысли. В сумке лежали рабочий дневник, паспорт и ключи.

Протянула руку к дверной ручке – и тут же отдёрнула её с коротким вскриком. Металл был не просто горячим, он раскалился докрасна. Ладонь мгновенно отозвалась острой, пульсирующей болью.

Схватив с вешалки край своего осеннего пальто, я обернула им кисть и изо всех сил нажала на тяжелый засов. Замок поддался, щёлкнул. Я рванула дверь на себя.

Ничего.

Дверь даже не шелохнулась. Она стояла намертво, словно её впаяли в дверную коробку. Я навалилась на неё всем телом, ударила плечом, отчего в суставе отозвалась глухая боль.

- Помогите! – крикнула я в щель, но вместо голоса из горла вырвался только сиплый, обожжённый кашель.

Кто-то заблокировал дверь снаружи. Подпёр её чем-то тяжёлым – снаружи на площадке стоял старый дубовый сундук соседей – или вбил клинья. Ментальная картинка сложилась мгновенно: меня заперли. Это был не случайный пожар от старой проводки на первом этаже. Меня пришли убить.

Снизу шёл плотный поток горячего воздуха. Сквозь дверную щель выскочил первый язычок ярко-оранжевого пламени, слизав краску на наличнике. Температура в прихожей поднималась с пугающей скоростью.

У меня не было времени на панику. Когда ты восемь лет переводишь в судах уголовные дела, ты слишком хорошо знаешь, как быстро человеческое тело превращается в обугленный анатомический экспонат. Паника убивает раньше огня.

Мысли стали короткими, прозрачными и очень холодными.

Путь через дверь отрезан. Лестница горит. Оставался только один путь.

Я развернулась и побежала в глубь комнаты. Дым уже опустился до уровня груди, прижимая меня к полу. Глаза невыносимо щипало, слезы текли по щекам, смешиваясь с сажей. Я упала на четвереньки, судорожно хватая ртом оставшийся у самого пола относительно чистый воздух.

Ванная. Мне нужна была вода.

Ползая по ковру, я добралась до совмещенного узла. В кране тихо зашипело, и потекла тонкая, ржавая струйка – давление в городской сети уже упало. Я сорвала со сушилки махровое полотенце, подставила его под воду, мгновенно промочив насквозь. Зажала мокрой тканью рот и нос. Стало немного легче дышать.

Второй рукой я мертвой хваткой вцепилась в ремень сумки. Дневник. Цифры. Я не оставляю его здесь.

Я вылезла из ванной назад в комнату. За стеклом круглого окна мансарды бушевал штормовой балтийский ветер. Мансардное окно – сплошное круглое стекло в массивной дубовой раме, выходившее прямо на скат крыши. Высота четвертого этажа.

Дверь в прихожую с треском рухнула. В комнату ворвался ослепительный, ревущий вал огня. Сухие обои вспыхнули мгновенно, как порох. Волна жара ударила в спину с такой силой, что на мне затрещала ткань водолазки.

Я бросилась к окну.

Латунный шпингалет заклинило. Закис от времени и сырости. Я ударила по нему кулаком, защищённым мокрым полотенцем. Ещё раз. И ещё. Металл со скрежетом поддался.

Я рванула раму на себя. В комнату мгновенно ворвался ураганный ледяной поток воздуха с залива. Встретившись со свежим кислородом, огонь за моей спиной взревел с новой силой, превращая мансарду в доменную печь.

Рама окна нагрелась за секунды. Забыв об осторожности, я вцепилась левой голый рукой в деревянный оклад, чтобы вытолкнуть своё тело наружу, на скат крыши.

Кожа на ладони шипяще прикипела к раскаленному дереву. Дикая, нечеловеческая боль прошла руку до самого плеча, отдаваясь вспышкой света в глазах. Я закричала – долго, пронзительно, заглушая гул пламени. Но руки не разжала.

Вывалилась грудью на обледелую черепицу.

Ветер мгновенно подхватил меня, едва не сорвав вниз, в тёмную бездну. Жестяной жёлоб водостока был покрыт тонкой коркой льда. Пальцы левой руки не слушались – обожжённая ладонь превратилась в сплошную кровоточащую рану, на которой пузырилась кожа. Но я впилась правой рукой в край слухового окна, а ногами уперлась в скользкие выступы черепицы.

Из круглого окна за моей спиной вырывался пятиметровый факел огня. Чёрный дым уходил в штормовое небо Зееграда.

Я ползла по скату крыши на корточках, прижимаясь всем телом к мокрому, ледяному камню. Ветер рвал пальто, забивал дыхание мокрой крошкой снега. Левая рука немилосердно горела, каждое прикосновение к льду отзывалось судорогой. Но я ползла вперед, к пожарной лестнице на торце дома.

Метр. Ещё метр. Скользящая черепица уходила из-под ног.

Я зацепилась ногой за ржавый край снегозадержателя, перевалилась через парапет и нащупала ногой верхнюю металлическую перекладину пожарной лестницы. Пальцы правой руки намертво сжались на ледяном железе.

Спускаясь вниз по ржавым ступеням, я не смотрела под ноги. Внизу уже вопили сирены, мигали сине-красные проблесковые маячки, собиралась толпа глазееющих соседей.

Когда мои ноги касались асфальта, колени подкосились. Я рухнула на корточки прямо в грязную талую кашу, сжимая неповрежденной рукой сумку.

Она была со мной. Дневник был со мной.

Ко мне тут же подскочил молодой пожарный в тяжелой робе, пахнувший гарью и мокрой тканью. Он подхватил меня под мышки, сдёргивая с опасного пятачка перед горящим фасадом.

- Девушка! Вы живы?! Из мансарды вылезли?!

Я не могла ответить. Зубы выбивали бешеную дробь, в горле застрял сухой ком сажу. Я просто смотрела вверх, где моя любимая квартира, мои книги, мои словари, моя скромная, выстроенная по кирпичику жизнь превращалась в пылающий ад. Круглое окно светилось, как глаз циклопа.

- МЧС уже здесь, скорая едет! – кричал пожарный, укутывая меня в какое-то грязное брезентовое покрывало.

К нам подошёл старший расчета – грузный, усатый мужчина с закопченным лицом. Он поднял забрало каски, посмотрел на выбитую входную дверь первого этажа, затем на меня.

- Ты хозяйка с верхнего этажа? – спросил он угрюмо.

Я молча кивнула.

- Как спаслась?

- Через... окно, – просипела я, едва выталкивая слова из сожжённой гортани. – Дверь... заперта.

Пожарный переглянулся со своим сотрудником. На его лице не было удивления. Только усталая, злобная досада.

- Я так и понял, – буркнул он, сплёвывая на асфальт под ноги. – Входную дверь на площадке третьего этажа снаружи дубовым комодом заперли. И подперли ломом. Чистый поджог, дочка. Кто-то очень хотел, чтобы ты оттуда не вышла. Подвал пролили соляжкой, вспыхнуло за три секунды.

Поджог.

Слово прозвучало весомо, окончательно, обрубая последние сомнения.

Они не стали ждать завтрашнего заседания. Они не стали проверять, стану ли я молчать, как велел Шмелёв. Как только я вышла из дома прокурора, механизм ликвидации был запущен. О моем визите и о том, что я знаю про фальшивку, знал только один человек.

Олег Викторович Шмелёв.

Холодная волна осознания накрыла меня с такой силой, что боль от ожога на секунду отступила. «Андрей бы тобой гордился... как никто». Он не просто прощался со мной. Он выносил мне приговор. Копии записей, которые я отдала ему, прямо сейчас, вероятно, горели в камине его уютного кабинета. А настоящий дневник... Настоящий дневник тяжело давил на ребро сквозь кожаную сумку.

Я инстинктивно прижала сумку к груди обожжённой ладонью. Острый прострел боли вернул меня в реальность.

- Скорая! Дорогу скорой! – закричали в толпе.

Я поняла, что если сейчас сяду в карету скорой помощи, меня зафиксируют. Внесут в списки. Оформят в больницу. А там меня найдут через десять минут. В этой системе у них везде были свои люди.

Пока пожарные отвлеклись на прибывших врачей, я затерялась среди толпы зевак, собравшихся за лентой оцепления. Соседи охали, снимали горящий дом на телефоны, кто-то плакал. На меня в мокром, перемазанном сажей пальто никто не обращал внимания.

Я подошла к пожилой женщине из дома напротив – тете Маше, которая выбежала на улицу в одном халате и теплом платке.

- Тетя Маша, – тихо позвала я.

Женщина вздрогнула, всплеснула руками:

- Верочка! Господи, живая! А мы думали, ты там...

- Тетя Маша, дайте телефон, пожалуйста, – попросила я, старательно пряча изуродованную левую руку в карман пальто. – Мой сгорел. Мне нужно срочно позвонить.

- Да-да, конечно, на, возьми! – она суетливо вытащила из кармана халата старенькую «нокию».

Пальцы правой руки дрожали, когда я набирала единственный номер, который помнила наизусть. Номер Даши Мельниковой. Моей подруги, криминального репортёра городского портала «Зееград.Live». Единственного человека в этом городе, который не был связан с судами, прокуратурой и портом.

Трубку сняли на третьем гудке.

- Да? – сонно и раздраженно ответила Даша.

- Даша. Это Вера, – выдохнула я в динамик. – На меня напали. Мой дом горит. Приедь за мной. Срочно.

Пауза на том конце провода длилась ровно одну секунду. Сонливость из голоса Даши испарилась мгновенно.

- Где ты?

- На углу Каштановой и Портовой. В толпе. Быстро, Даша. Пожалуйста.

- Пять минут. Сиди в тени, ни с кем не говори.

Я вернула телефон плачущей тете Маше, прошептала слова благодарности и зашла за массивный ствол старого каштана, стоящего чуть отдаленнее от спасательных машин. Вспышки сирен резали темноту. Дом догорал. Четвертый этаж провалился внутрь, выбросив в небо сноп золотых искр.

Ровно через шесть минут у тротуара со скрежетом затормозил обшарпанный ярко-желтый «Фольксваген Гольф» Даши. Дверь со стороны пассажира мгновенно распахнулась.

Я выскользнула из тени и прыгнула на сиденье. Машина сорвалась с места еще до того, как я успела хлопотать дверью.

Даша – рослая, громкая девица с короткой стрижкой и вечным ярким беретом набекрень – перестроилась в крайний ряд и вдавила педаль в пол, уводя машину в глубь спальных районов. Она бросила на меня быстрый, цепкий взгляд опытного репортёра. Заметила сажу на лице, оборванную полу пальто, ссутулившиеся плечи.

- Ты цела? – спросила она резко, но в её голосе пробивалась дикая тревога.

- Ладонь... обожгла, – пробормотала я.

Даша молча потянулась к бардачку, вытащила оттуда баллончик с пантенолом и бинт.

- Залей и забинтуй. Потом расскажешь.

Я зубами сорвала колпачок с баллончика, щедро запенила белой охлаждающей массой изуродованную кожу ладони. Острая боль немного утихла, сменившись тупой, пульсирующей ломотой. Правой рукой я коряво запеленала кисть бинтом.

И только когда работа была закончена, меня накрыло.

Это пришло внезапно. Плотину внутри прорвало. Плечи затряслись, из глаз брызнули слезы, смывая сажу с щек. Я уткнулась лицом в колени и зарыдала – беззвучно, тяжело, с глухими всхлипами. Заплакала по своей сгоревшей квартире, по вещам отца, по своей наивной

вере в то, что дядя Олег меня защитит. По тому миру, который развалился на куски за одну-единственную ночь.

Даша не утешала меня. Она не гладила по голове и не произносила глупых фраз вроде «всё будет хорошо». Она просто молча вела машину, сворачивая в тёмные переулки, увеличивая дистанцию между нами и пепелищем.

Через пять минут я вытерла слезы рукавом пальто. Всклипнула в последний раз. Всё. Лимит слабости был исчерпан.

Я потянулась к бардачку, вытащила оттуда блокнот Даши и шариковую ручку.

- Что ты делаешь? – спросила Даша, не отрывая взгляда от дороги.

- Записываю время, – ответила я, старательно выводя неслушающимися пальцами цифры на чистом листе.

- Какое время?

- 03:15 – проснулась от запаха дыма. 03:22 – вышла через окно мансарды. 03:30 – прибытие первого расчета МЧС. 03:41 – звонок тебе. 03:47 – ты меня забрала.

Даша на секунду отвлеклась от дороги, посмотрела на меня как на сумасшедшую:

- Лисовская, ты только что едва не сгорела заживо! Зачем тебе эти цифры?!

- Потому что слова улетают, Даша, – ровным, восстановившимся голосом произнесла я, переворачивая страницу блокнота. – А цифры остаются. Это алиби. Это алиби моего выживания.

Машина остановилась у обочины неподалёку от старого парка. За окном начинало медленно светать. Небо приобрело грязно-свинцовый оттенок. Шторм постепенно утихал, оставляя после себя мелкую морось.

Даша заглушила двигатель, повернулась ко мне всем телом и достала свой профессиональный фотоаппарат – тяжелый «Никон» с большим объективом.

- Я сделала несколько снимков, когда подъезжала к твоему дому, – сказала она уже серьезно, без тени привычной иронии. – Толпа, пожарные, фасад. Сняла на всякий случай, пока спасатели не перекрыли обзор. Давай посмотрим, может, пригодится для заявления в полицию.

Она включила небольшой жидкокристаллический экранчик на задней панели камеры и начала прокручивать кадры.

Я равнодушно смотрела на яркие снимки. Горящая крыша. Моё круглое окно. Пожарная машина. Толпа зевак, стоящих за красной лентой оцепления. Люди в пижамах, соседи с верхних этажей...

- Стоп, – тихо сказала я.

- Что? – Даша замерла, палец застыл на кнопке прокрутки.

- Верни на один кадр назад. И приблизь левый угол. Там, где стоят машины скорой.

Даша послушно нажала колесико зума. Изображение на маленьком экране увеличилось, распавшись на мелкие пиксели, но детали всё равно читались отчетливо.

На заднем плане, чуть в стороне от подсвеченной синим светом кареты скорой помощи, стоял высокий мужчина в тёмной куртке. Он не смотрел на горящий дом. В отличие от остальных глазееющих соседей, его не интересовал огонь.

Он смотрел прямо в объектив. На его лице играла спокойная, едва заметная полуулыбка. Из уголка рта торчала деревянная зубочистка.

Я узнала это лицо мгновенно. Память безжалостно выдернула картинку из глубокого детства. Двадцать лет назад. Дача Шмелёва. Этот самый человек в спортивном костюме сидит на веранде и пересчитывает пухлую пачку долларов, пока дядя Олег жарит шашлыки.

Дмитрий Кравец. Бывший оперативник. Личный «решала» и палач прокурора Шмелёва. Человек, который выполнял для него самую грязную работу, которую нельзя было светить в официальных отчётах.

Он стоял у моего горящего дома и ждал, когда из дверей вынесут мой труп.

- Ты его знаешь? – прошептала Даша, чувствуя, как изменилась моя поза.

- Да, – я медленно подняла глаза на подругу. – Это человек Шмелёва.

В салоне машины завладела мертвая, оглушающая тишина. За окном окончательно рассвело. Серый балтийский день вступал в свои права, окрашивая всё вокруг в цвет мокрого бетона.

Я вытащила из сумки свой чёрный рабочий дневник, положила его на колени и провела неповреждённой рукой по обложке.

Теперь я знала всё. Шмелёв подменил протокол. Шмелёв послал Кравца сжечь меня в собственной квартире. Прокуратура, полиция, суды – вся эта городская машина стояла за их спинами.

У меня не осталось никого. Ни друзей во власти, ни дома, ни имени. Всё, что у меня было, – это обгоревшая ладонь и дневник с тайм-кодами.

ГЛАВА 5

Серый утренний свет еле пробивался сквозь плотные жалюзи в небольшой двухкомнатной квартире Даши. В воздухе стоял стойкий запах аптечного мазевого медикамента, пережаренного кофе и подгоревшего тоста.

Я сидела на широком диване, поджав под себя ноги. Левая кисть, плотно запеленованная бинтом поверх толстого слоя пантенола, лежала на подушке, отзываясь на каждое движение тупой, тяжелой пульсацией. Правой рукой я неловко держала керамическую кружку с горячим чаем.

Даша ходила по комнате в просторном домашнем халате, нервно щелкая зажигалкой и то и дело поглядывая на свой ноутбук, где крутилась лента новостей «Зееград.Live».

- Главная новость утра, – пробурчала она, не выпуская из зубов незажжённую сигарету. – «Ночной пожар в мансарде на Каштановой. Предварительная причина – замыкание электропроводки». Смотри, как оперативно. МЧС еще пепелище не пролило, а в пресс-службе уже готова идеальная версия.

- Они торопятся, – ровно ответила я, глядя на темнеющую за окном морось. – Чем быстрее закроют дело об обычной аварии, тем меньше вопросов возникнет к запертой снаружи двери.

В дверь позвонили.

Звук был коротким, требовательным и сухим. Я вздрогнула, едва не всплеснув чай из кружки на джинсы. Даша мгновенно замерла, опустила зажигалку и вопросительно посмотрела на меня.

- Ты кого-то ждала? – шепотом спросила я.

- Нет. Но если бы это был Кравец, он бы не стал звонить в звонок.

Даша тихо подошла к двери, глянула в глазок и облегченно выдохнула:

- Это Горелова. Одна. В форме.

Я быстро опустила кружку на стол и сунула сумку с дневником под диванную подушку. Инстинкт, доведенный до автоматизма: никогда не оставлять цифры на виду.

Следователь Ирина Горелова вошла в квартиру, не снимая форменного пальто. Тридцать шесть лет, всегда подтянутая, с сухим строгим лицом и гладко зачесанными в пучок темными волосами. Сегодня она выглядела уставшей. Под глазами залегли серые тени, а в руках она сжимала кожаный планшет для протоколов.

- Здравствуй, Вера, – она кивнула мне, отказываясь от предложенного Дашей стула. – Я ненадолго. Официальный опрос. В больницу ты не поехала, пришлось искать тебя через Мельникову.

- Я в порядке, Ирина Сергеевна, – я попыталась изобразить спокойную улыбку, но сухие, обожженные дымом губы отозвались болью. – Просто ожог.

Горелова достала из планшета бланки, шелкнула дешевой шариковой ручкой.

- Напиши объяснение. Что видела, во сколько проснулась, включала ли обогреватель. МЧС дает предварительную причину – проводка в перекрытиях. Дом старый, перегрузка сети.

- Это был поджог, – прямо сказала я, глядя ей в глаза. – Дверь на площадку была заблокирована снаружи дубовым комодом. Старший пожарного расчета сам мне это сказал.

Горелова на секунду замерла. Её палец с ухоженным ногтем застыл на строчке бланка. Она не подняла глаз, но я заметила, как слегка напряглись мышцы на её скулах.

- Старший расчета выразил свое личное мнение до проведения пожарно-технической экспертизы, – сухо, отрегулированным канцеляритом ответила она. – В состоянии стресса тебе могло показаться...

- Мне не показалось. Меня пытались сжечь заживо в собственной квартире.

Горелова наконец подняла взгляд. В её серых глазах не было злобы или фальши. Там был простой, понятный человеческий страх. Страх женщины, которая проработала в системе десять лет и прекрасно понимала, где пролегает граница между обычной уголовщиной и вещами, в которые лучше не совать нос, если хочешь дожить до пенсии.

- Вера, – она понизила голос, сделав шаг ближе к дивану. – Тебе сейчас нужно думать о здоровье. И... о своей репутации.

- О репутации? – переспросила я.

- Вчера после заседания суда в прокуратуре было закрытое совещание, – Горелова обернулась на Дашу, но та демонстративно отвернулась к окну, делая вид, что занята телефоном. – Повисла пауза. Понимаешь, в областном управлении... скажем так, появились серьезные сомнения в качестве твоих последних переводов.

Воздух в комнате словно стал плотнее.

- В качестве моих переводов? – медленно повторила я, чутко ловя каждое слово.

- Говорят, что ты могла допустить системные ошибки из-за личной предвзятости или переутомления, – Горелова вздохнула, аккуратно убирая ручку в карман. – В частности, по делу Феррары. Прокуратура готовит служебную проверку. Если эксперты подтвердят искажение смысла показаний... тебе грозит отвод от дел. И, возможно, статья за заведомо ложный перевод.

Я смотрела на неё и ощущала, как внутри закипает холодная, ледяная ярость.

О «сомнениях в качестве перевода» знал только один человек. Человек, которому я вчера вечером лично принесла копии своего дневника. Олег Викторович Шмелёв.

Он не просто отдал приказ о поджоге. Он заранее подготавливал юридическое алиби для фальшивки. Если я погибну в пожаре – скажут, что переводчица испугалась разоблачения и совершила суицид. Если выживу – объявит меня сумасшедшей или купленной людьми Раевского, чьи переводы не стоят и бумаги, на которой отпечатаны.

Ложный друг. Человек, который улыбался мне в тёплой прихожей, отпаивал чаем и говорил, что отец бы мной гордился, прямо сейчас методично уничтожал мою жизнь.

- Я поняла вас, Ирина Сергеевна, – тихо сказала я, забирая у неё бланк объяснения. – Я напишу всё, что считаю нужным.

Горелова забрала заполненный правой рукой листок, бегло глянула на кривые строчки и убрала в планшет.

- Сиди дома, Вера. Не лезь никуда. Это не твоя война.

Когда за следователем закрылась дверь, Даша резко обернулась:

- Ты слышала её?! Они шьют тебе дело! Они хотят сделать тебя козлом отпущения!

- Я слышала, – ответила я, вставая с дивана. – Даша, включи фотоаппарат.

Подруга молча достала «Никон», шелкнула тумблером и открыла на экране тот самый ночной снимок с пожара.

Я наклонилась над маленьким дисплеем. Снова приблизил левый угол. Мужчина в тёмной куртке у машины скорой помощи. Спокойная полуулыбка, зубочистка в уголке губ. Дмитрий Кравец.

- Ты сказала, что видела его в детстве? – спросила Даша, вглядываясь в зернистое пиксельное лицо.

- На даче у Шмелёва, – ответила я, помня ту веранду и пачки долларов. – Двадцать лет назад. Он был его «личным оперативником», когда дядя Олег еще работал в районном отделе. Потом Кравца уволили из органов с треском – за превышение полномочий и жесткие допросы. Но из обоймы Шмелёва он не выпал. Стал его правой рукой. Человеком для задач, которых нет в процессуальном кодексе.

Я отошла от стола и подошла к окну. Осторожно отогнула пластиковую полосу жалюзи, глядя во двор.

Двор у Даши был стандартным для немецкой застройки Зееграда – колодец из красного кирпича, окруженный старыми липами и ржавыми сушилками для белья.

У самого выезда из арки стоявшая неприметная тёмно-серая «Ауди» с затонированными стёклами. Двигатель работал на холостых оборотах, из выхлопной трубы вырывался тонкий струйка пара. На лобовом стекле не было никаких спецпропусков, но машина стояла прямо под знаком «Остановка запрещена», и проехавший мимо патрульный экипаж полиции даже не притормозил.

Я присмотрелась. На водительском сиденье блеснул огонёк зажигалки. Человек внутри наклонился, и в боковом зеркале на секунду отразился знакомый профиль.

Кравец.

Он не прятался. Он стоял под окнами квартиры журналистки и просто ждал, когда я совершу ошибку. Выйду в магазин. Поеду в прокуратуру. Сдамся в полицию.

Картина мира собралась полностью, без единого зазора.

Полиция – его. Они не стали оформлять поджог, списав всё на проводку. Прокуратура – его. Шмелёв лично курирует процесс Раевского и уже готовит списание моих переводов в утиль. Город – его. Любой шаг, который я сделаю в сторону официальных органов, приведет меня прямо в руки Кравцу. В этой игре у меня не было ни одного юридического шанса. Любая жалоба будет перехвачена. Любое заявление подшито к делу о моей «неадекватности».

Я отпустила жалюзи.

- Он там? – шепотом спросила Даша, подходя со спины.

- Да. Стоит у арки.

- Я вызываю наряд. Пусть проверят документы!

- Даша, наряд приедет, пожмет ему руку и уедет, – я повернулась к подруге. – Ты разве не понимаешь? Они закрыли город. Вся эта система – от районного следователя до заместителя прокурора области – работает на одну задачу. Им нужно сдать порт «Нордлайну» и засадить Раевского. Я в этой схеме была просто удобным штемпелем. А теперь стала опасным свидетелем.

Даша побледнела, судорожно сжав в кулаке свой фотоаппарат.

- И что нам делать? Сидеть здесь?

- Тебе – сидеть здесь и делать вид, что ничего не произошло. Пиши статьи про пожары, занимайся своей работой. Если они поймут, что ты в деле, они уничтожат и тебя.

- А ты?!

Я посмотрела на свою забинтованную руку, потом на сумку, лежащую под подушкой дивана. В ней лежал черный дневник. Цифры, которые они не смогли сжечь.

В Зееграде была только одна территория, куда Кравец и Шмелёв не могли зайти с обыском или силовым захватом без санкции суда и риска получить ответную пулю. Одно место, где законы областной прокуратуры бессильны перед законами верности и силы.

Усадьба смотрителя маяка на косе.

Марк Раевский. Человек, находящийся под домашним арестом. Человек, которого обвиняют в убийстве, и на щиколотке которого висит электронный браслет. Он заперт в своем доме, но именно его люди контролируют порттовую косу. И именно ему правда о фальшивом протоколе нужна так же остро, как и мне. Чтобы выжить.

Это было безумием. Судебный переводчик, восемь лет безупречно служивший закону, идет за защитой к главе криминального синдиката. Если об этом узнают в суде – моя карьера уничтожена навсегда. Меня судят как сообщницу.

Но выбор был простым: сохранить чистую анкету в морге или остаться в живых с запачканной репутацией.

Я выбрала жизнь.

- Даша, мне нужна твоя одежда, – сказала я, направляясь к вешалке в прихожей.

- Что?

- Твой длинный пуховик. Оверсайз. И объемный берет.

Через десять минут я стояла перед зеркалом в коридоре. В оливковом Дашином пуховике до самых пят и глубоком черном берете, надвинутом на самые брови, я выглядела абсолютно чужой. Обожженная левая рука была спрятана в глубокий карман. На плече висела все та же ременная сумка с дневником.

- Как ты выйдешь? – Даша нервно кусала губы. – Кравец пасет двор!

- У вашего дома есть проходной подъезд через подвал в соседний двор, – ответила я, вспомнив рассказы Даши о ремонте дома. – Ты сама говорила, что сантехники никогда не запирают ту дверь.

Я обняла подругу правой рукой, сильно прижав ее к себе.

- Спасибо тебе, Даш. За всё.

- Если этот гад Раевский хоть пальцем тебя тронет – я подниму весь город, Лисовская! Я клянусь, я напишу статью в федеральные СМИ!

- Он не тронет, – тихо ответила я, открывая дверь в темноту задней лестницы. – Ему нужна правда. А правда сейчас – это я.

Я спустилась по крутым каменным ступеням в подвал. Внизу пахло сыростью, старыми трубами и кошачьим кормом. Я прошмыгнула между ржавыми магистралями водопровода, толкала низкую деревянную дверцу и выскочила в соседний двор-колодец.

Балтийский ветер мгновенно бросил в лицо ледяную морось.

Я не стала выходить на главную улицу. Свернула в переулок, усыпанный жёлтой мокрой листвой, добралась до остановки пригородных автобусов и села на старый, дребезжащий «ПАЗик», следующий в сторону песчаной косы.

Машина тронулась. Я села у самого окна, уткнувшись подбородком в высокий воротник Дашиного пуховика.

За окном проплывали серые улицы Зееграда. Немецкие фасады из красного кирпича, порттовые краны, маячившие в тумане на горизонте, здание областного суда с холодными колоннами. Город, который восемь лет был моим домом, сейчас превратился в чужую, враждебную территорию.

Автобус выехал на дамбу. С обеих сторон поднялась свинцовая, штормящая вода залива. Впереди, в пелене тумана и брызг, прорисовывался тёмный силуэт старой кирпичной башни маяка и пристроенного к ней бетонированного комплекса усадьбы Раевского.

Я жала рукой через ткань пуховика плотную обложку дневника.

Обратного пути больше не было. Я ехала к человеку, который смотрел на меня без страха. И я ехала заключать сделку с дьяволом.

ГЛАВА 6

Свинцовый балтийский день за окном больше напоминал глубокие сумерки. Было два часа дня, но над косой висела настолько плотная, тяжёлая туча, что в кабинете на втором этаже «Маяка» пришлось оставить включённым настольный торшер. За панорамным стеклом шторм брызгал ледяной моросью, смешанной с песком и мелкой крошкой мокрого снега. Ветер бился в бетонные стены усадьбы с глухим, ритмичным гулом, от которого внутри старой кирпичной башни маяка вибрировала чугунная винтовая лестница.

Я сидел за массивным столом из морского дуба, опираясь локтями о полированную поверхность, и смотрел на экран рабочего терминала. На правой щиколотке под штаниной привычно давил пластиковый корпус электронного браслета. Тусклый зелёный огонёк датчика мигал раз в тридцать секунд, исправно отправляя на пульт ФСИН подтверждение: подследственный Раевский никуда не сбежал. Он на месте.

Я не спал одиннадцать часов. С того самого момента, как в три часа ночи Корсак передал по радиации первое короткое сообщение: «На Каштановой горит мансарда. Пожарные машины уже на улице».

Все эти одиннадцать часов превратились для меня в один непрерывный, затянувшийся приступ ярости, которую приходилось давить внутри себя с силой гидравлического пресса.

Мои люди, сидевшие в неприметной машине в квартале от её дома, зафиксировали поджог сразу. Но выполнить мой приказ - не вмешиваться без прямой угрозы её жизни - они не успели. Вера Лисовская спаслась сама. Без помощи МЧС, без помощи полиции и без помощи моих бойцов. Выбралась через круглое окно под самой крышей, проползла по обледелой черепице, сорвала кожу на ладони о раскалённую металлическую раму и спустилась по ржавой пожарной лестнице до того, как к дому подоспели кареты скорой помощи.

В четыре утра её забрала подруга-репортер, Даша Мельникова. В восемь утра у выезда из двора Мельниковой встала серая «Ауди» Димки Кравца. Около десяти утра в квартиру приходила следователь Горелова.

Каждый час Корсак присылал сухие сводки. Я ходил по кабинету от окна к столу и обратно, ощущая себя диким зверем, попавшим в капкан собственного домашнего ареста. Я рвался в город. Хотел дать Корсаку приказ брать квартиру Мельниковой, ломать двери и вывозить Веру на косу силой, пока Кравец не дотянулся до неё второй раз. Корсак остановил меня одной фразой: «Если мы приедем с оружием, Марк Александрович, она решит, что мы люди Кравца. Она колючая, она станет сопротивляться. Она должна понять весь расклад сама».

Я вынужден был подчиниться логике своего начальника охраны. Вынужден был ждать.

А около часа дня Корсак прислал последнее короткое донесение: «Она ушла от Кравца. Спустилась в подвал, прошла через соседний двор в чужом пуховике. Села на пригородный «ПАЗик», следующий на косу».

Она ехала ко мне. Тридцать километров по разбитой дамбе, через штормовой ветер и мокрый снег, на древнем, дребезжащем автобусе.

Я поднял со стола стакан с остывшим черным кофе, сделал один глоток и поставил тяжелое стекло обратно. Пальцы были холодными, но внутри, под ребрами, все натянулось, как стальной трос на судовом вираже.

В четырнадцать часов ровно тишину кабинета пререзал сухой, металлический зуммер внутреннего телефона. Прямая линия с КПП у главных ворот усадьбы. Я снял трубку до того, как завершился первый длинный сигнал.

- Слушаю.

- Марк Александрович, - в динамике трещал дождь и завывал ветровой порыв. Говорил Старков, старший смены на воротах. Голос парня звучал растерянно, с трудом скрываемым

изумлением. - Тут... женщина у ворот. Приехала на рейсовом автобусе, прошла пешком полтора километра от трассы под дождем. Мокрая насквозь, на ногах еле держится.

Сердце в груди сделало тяжелый, болезненный кувырок. Рёбра сжались, выбивая из легких остатки воздуха.

- Назови имя, - заставил я себя выдохнуть ровным, ледяным тоном.

- Не называет. Говорит только, что вы её ждали. Пропускать?

- Пропусти, - сказал я тихо. - Скажи парням, чтобы убрали оружие и не дергались. Проведи в дом. Лично.

- Понял.

Я положил трубку на рычаг, медленно поднялся из-за стола и провел тяжелой ладонью по лицу. Пальцы слегка дрожали. Я сжал кулак так, что суставы хрустнули, и шагнул к выходу из кабинета.

Когда я спустился по широкой гранитной лестнице в просторный холл первого этажа, тяжелая входная дверь из бронированного стекла уже открылась. На порог шагнула фигура в чужом, явно не по размеру огромном оливковом пуховике. С длинных полов куртки ручьями стекала вода, образуя на полированном сером граните темную, блестящую лужу.

Вера Лисовская.

Она медленно сдернула с головы мокрый берет. Короткие темные волосы прилипли ко лбу и вискам. Лицо было смертельно бледным, почти прозрачным, с темными провалами усталости вокруг серых глаз, а на правой щеке темным росчерком выделялась въевшаяся в кожу гарь. От неё пахло не морем и не осенней свежестью. От неё пахло горьким дымом сгоревшей пластмассы, мокрой шерстью и химической пеной противоожогового пантенола.

Её левая рука была глубоко спрятана в карман пуховика, но я сразу заметил, как неровно, одеревенело она держит это плечо. А правой рукой она мертвой хваткой прижимала к груди потертую кожаную сумку на длинном ремне.

Старков, стоявший за её спиной в мокрой штормовке, неопределенно помялся на пороге:

- Марк Александрович, на предмет опасных вещей...

- Выйди, - отрезал я, не сводя глаз с Веры. - И запри ворота на засов.

Старков коротко кивнул и бесшумно исчез за дверью, оставив нас вдвоем. В огромном холле слышно было только, как за стеклом беснуется балтийский шторм и как тяжело, прерывисто дышит женщина, стоящая на грани полного физического истощения.

Она сделала один неуверенный шаг вперед. Ноги в мокрых джинсах слегка качнулись, но она упрямо удержала равновесие. Подняла подбородок. В её серых глазах, всегда таких холодных и профессионально отрешенных на судебных заседаниях, сейчас горел сухой, отчаянный, почти безумный огонь.

- Я знаю, что вы не отдавали приказа, - произнесла она. Голос был сиплым, сожженным ядовитым дымом, но в нем не было ни единой ноты просьбы, жалости или мольбы. - И знаю, кто хочет, чтобы я за это умерла.

Пазл в моей голове завязался в один мертвый узел. Пахнущая гарью одежда, сажа на щеке, топорно забинтованная рука, чужой пуховик. Они не стали ждать завтрашнего заседания суда. Шмелёв и Кравец сработали на уничтожение.

Внутри меня вспыхнула ярость - чистая, ледяная, уничтожающая. Настоящая ярость, перед которой бледнели все мои прошлые портовые разборки. Они тронули её. Они пришли в её единственный дом и заперли дверь.

Я сдержал дикий порыв подойти, схватить её за плечи, проверить, насколько тяжелы ожоги. Заставил себя остаться на месте, в трех шагах от нее.

- Идем, - сказал я своим обычным коротким, плотным тоном. - На кухне тепло.

Мы прошли в просторную кухню - помещение из бетона, стали и темного дерева с длинным дубовым столом по центру. За окнами кухни стоял серый полумрак балтийского дня. Я

подошел к кухонному блоку, нажал кнопку чайника, достал из шкафа чистое сухое махровое полотенце и положил его на край столешницы.

Вера не села. Она осталась стоять у кухонного острова, тяжело опираясь на него здоровой правой рукой. Левая так и оставалась задвинутой в карман пуховика.

- Сними это, - я указал подбородком на её мокрую куртку. - Ты промерзла до костей.

- Мне так нормально, - огрызнулась она.

Сухой, колючий, невыносимый характер. Даже перед лицом смерти, выбравшись из горячей мансарды и пройдя полтора километра по шторму от автобусной остановки, она пыталась строить между нами каменные стены.

Я не стал вступать в пререкания. Подошел сам. Не спрашивая разрешения, взялся за замок пуховика и расстегнул его одним коротким движением. Вера качнулась было назад, но опираться на раненую руку не смогла и осталась на месте, лишь сильно стиснув зубы. Я аккуратно снял с её худых плеч тяжелую, пропитанную ледяной водой ткань и отбросил на свободный стул.

Под курткой оказалась простая черная водолазка. И тут я во всех деталях увидел её левую кисть.

Рука была топорно, криво забинтована.. Сквозь белые витки марли проступали хлопья засохшей противоожоговой пены и сукровица. Бинт уже начал прилипать к травмированной коже.

Я сжал челюсти так, что в ушах отозвалось глухим звоном.

- Пожар? - спросил я тихим, опасным шепотом.

- Поджог, - поправила она, глядя прямо мне в глаза. - Прошлая ночь. Три часа. Дверь на площадку заперли снаружи и подперли комодом. Подвал пролили соляжкой. Я вылезла через окно мансарды по обледенелой черепице. Руку обожгла о раскаленную ручку двери.

Она говорила об этом так, будто зачитывала протокол осмотра места происшествия. Сухо. Без единой слезы. Без эмоциональной шелухи. Только факты, время и цифры. И эта её железная выдержка ломала меня сильнее, чем если бы она билась в истерике на моем столе.

- Кто? - спросил я, хотя уже знал ответ из сводок Корсака.

- Кравец. Человек Шмелёва. Я увидела его на снимках Даши, когда выбралась из горящего дома. Он стоял у машины скорой помощи и ждал, пока вынесут мой труп. А сегодня утром к Даше пришла Горелова и прямо сказала, что в прокуратуре есть сомнения в моих переводах.

Я молча кивнул. Шмелёв готовился списать её показания в утиль, объявив нас сообщниками или сделав из нее сумасшедшую.

- Зачем вы пришли сюда, Вера Андреевна? - я сделал шаг назад, давая ей личное пространство, и оперся руками о край дубового стола. - Вы же прекрасно понимаете, что такое «Маяк»? Это дом человека, находящегося под домашним арестом. Человека, которого судит весь город. Если прокурорские узнают, что вы здесь, ваши показания не просто аннулируют - вас официально объявят моей купленной сообщницей.

- Я знаю, - она вытащила из своей сумки черный рабочий дневник и с глухим стуком положила его на дубовую столешницу. - Но у вас нет выбора. И у меня его тоже больше нет.

Она сделала короткую паузу, восстанавливая сбитое дыхание. Едкий дым все еще сидел у нее в легких, при каждом глубоком вдохе она едва заметно морщилась от тупой боли.

- Мне нужны ваши ресурсы, - произнесла она чеканно. - Мне нужна ваша охрана, ваши люди и ваши возможности в порту. Я должна найти Луку Феррару. Живым. Я должна заставить его повторить на камеру то, что он реально говорил на допросе. И мне нужно добраться до оригинальной видеозаписи, которая ушла на резервный сервер суда в день допроса. Сама я этого сделать не могу. Вся городская система - от патрульных до областной прокуратуры - ищет меня или готовится объявить вне закона.

Я слушал её и ощущал, как внутри растёт дикое, почти безумное уважение к этой женщине. Она потеряла квартиру. Она едва не сгорела заживо. Её предал человек, которого она пятнадцать лет считала названным отцом. Но вместо того чтобы бежать из страны или плакать, она пришла в дом главы синдиката разрабатывать план контрнаступления.

- А что получите вы от меня, Марк Александрович? - продолжала она, делая шаг ближе к столу. - Вы получите мои официальные показания в суде. Я выйду на трибуну и под присягой заявлю, что протокол обвинения - фальшивка. Я докажу это тайм-кодами из моего дневника. Я развалю их уголовное дело против вас.

Переговоры. Чистая, прагматичная, жесткая сделка.

- Ценное предложение, - заставил я себя усмехнуться, хотя внутри всё кипело. - Но у любой серьезной сделки есть свои четкие условия. Назовите свои, Лисовская.

Вера выпрямилась. Её серые глаза сверкнули в тусклом свете дня, как свежезакаленная балтийская сталь.

- Первое условие, - чеканно выговорила она. - Я не лгу ради вас. Если в ходе нашего расследования выяснится, что вы действительно виновны в убийстве Лапина или в чем-то еще, я не буду вас покрывать. Я скажу в суде ровно то, что видела и слышала сама. Ни словом больше, ни словом меньше.

- Согласен, - сразу ответил я. По поводу Лапина моя совесть была чиста, и она это прекрасно понимала. - Второе?

- Второе условие, - она сделала паузу, и её жесткий взгляд впервые за весь разговор на секунду качнулся. - Вы меня не трогаете. Никаких прикосновений. Никаких попыток использовать мое уязвимое положение здесь. Месяц назад в суде вы смотрели на меня так, будто я ваша собственность. Забудьте об этом. Мы - союзники поневоле. Не больше. Если вы нарушите это правило - я уйду. Даже если снаружи меня будет поджидать Кравец.

Каждое её слово падало в тишину кухни, как тяжелые удары молота. Она жестко ставила границы. Защищалась от меня с той же бескомпромиссной яростью, с какой прошлым вечером спасалась от огня.

Я посмотрел на её бледное лицо, на сажу на щеке, на изуродованную рукавицу из бинтов.

- Принято, - тихо сказал я. - Никаких прикосновений. Пока ты сама не попросишь.

Она едва заметно нахмурилась от последней фразы, но вступать в споры не стала.

- Теперь мои условия, Вера, - я подался вперед, слегка нависая над столом. Мой голос стал низким, плотным, не терпящим возражений. - Ты живешь на верхнем этаже башни. Там есть отдельная комната с ванным узлом. Из дома ты не выходишь. Ни на шаг. Забором моя территория не ограничивается - за воротами безопасность заканчивается, там работают люди Кравца. Если тебе нужно будет поехать в город - ты едешь только с Корсаком. В чужой одежде. По моим маршрутам. Без споров и без самостоятельности. Если ты попытаешься сыграть в независимого детектива и выйдешь за ворота одна - я запру тебя в подвале. Ты меня поняла?

Она молчала три секунды, взвешивая мои слова. По её лицу было видно, как тяжело ей - привыкшей всё контролировать одиночке - отдавать контроль над своей жизнью чужому человеку. Тем более человеку с моей репутацией.

- Поняла, - наконец процедила она сквозь зубы.

В этот самый момент глухая тяжелая дверь кухни бесшумно приоткрылась.

В помещение вальяжной, хозяйской походкой вошел Бруно. Мой кане-корсо - огромный, свыше шестидесяти килограммов литых мышц, с искромсанными ушами и мордой в старых шрамах. Пёс, который не подпускал к себе никого, кроме меня и Корсака. На любых чужаков в доме он всегда реагировал глухим, вибрационным рыком, от которого у бывалых портовых мужиков подкашивались колени.

Я напрягся, готовый подать команду «Fermo» - стоять.

Бруно остановился посреди кухни. Его жёлтые глаза уставились на незнакомую женщину у стола. Пёс медленно повел широким носом, втягивая воздух, пропитанный запахом гари, пантенола и ледяной балтийской воды.

Вера не отпрянула. Она даже не вздрогнула. Просто повернула голову и посмотрела на монстра своими холодными серыми глазами.

Бруно сделал три неторопливых шага вперед. Подошел вплотную к Вере. Вытянул морду. Я затаил дыхание, пальцы на столе сжались в кулаки.

Пёс ткнулся массивным, влажным носом прямо в край её джинсов. Посопел. А затем... тяжелая, страшная голова кане-корсо медленно опустилась Вере на колени. Бруно глубоко, удовлетворенно вздохнул и прикрыл глаза, доверчиво прижавшись лобастой черепушкой к её ногам.

Впервые в своей жизни. Этот пёс не позволял притрагиваться к себе даже Гранину, работавшему со мной шесть лет. Он игнорировал адвокатов, охрану, любых гостей. А сейчас он просто лежал у ног мокрой, пахнущей дымом женщины, признавая её своей.

Вера ошеломленно замерла. Её правая, неповрежденная рука инстинктивно опустилась на жесткую чёрную шерсть между ушами собаки. Пальцы мелко задрожали, вплетаясь в пёсий загривок. Бруно тише заурчал.

- Он... не кусается? - шепотом спросила она, не поднимая глаз.

- С чужими - калечит, - ответил я, чувствуя, как где-то под ребрами снова сворачивается тугой узел. - Тебя признал. Не знаю почему.

На самом деле я знал. Собаки чуют силу. Не внешнюю ругань или наглый оскал, а ту глубокую, настоящую жилу внутренней прочности, которую невозможно сыграть. Вера Лисовская была сделана из того же металла, что и эта усадьба.

Чайник на кухонном блоке закипел, издавая громкий щелчок.

Я подошел к шкафу, достал большую металлическую коробку - профессиональную аптечку с хирургическим набором, обезболивающими и современными ожоговыми гелями. Поставил её на стол рядом с её черным дневником.

- Сначала обрабатываем руку, - сказал я. - Потом я покажу тебе комнату. Корсак приедет через полчаса, начнет искать Феррару по портовым адресам.

Вера не стала спорить. Впервые за этот день в её осанке проступила тяжелая, накопившаяся усталость. Она аккуратно опустилась на кухонный стул, не снимая руки с головы Бруно. Пёс так и остался лежать рядом, охраняя её покой.

Я открыл аптечку. Достал стерильные медицинские ножницы, чтобы аккуратно разрезать прилипший к ране бинт. Мои пальцы легли на инструмент, но я не спешил начинать.

Я смотрел на неё - мокрую, обожженную, преданную всеми, но не сломленную. На женщину, которая перешагнула порог моего дома и подписала сделку с человеком, которого весь город считает чудовищем.

В моем подсознании, в тех глубоких, темных пластах моих собственных мыслей, куда я не пускал никого и никогда, - вспыхнула одна отчетливая, тяжелая мысль.

Вещь, которую я должен сказать ей - вещь о том, почему именно её подпись оказалась под фальшивкой, и о том, что я знал про охоту на неё ещё до этой ночи, - я не скажу сегодня.

Не сегодня, когда она едва держится на ногах от боли и усталости. Не сегодня, когда её единственным убежищем стал мой дом. Я утаю это. Я смолчу, как молчал целый год.

Потому что если я скажу ей эту правду прямо сейчас - она встанет, заберет свой дневник и уйдет обратно в шторм. А я скорее срежу свой электронный браслет и пойду под пули Кравца, чем позволю ей шагнуть за эти ворота.

ГЛАВА 7

Утреннее солнце пробивалось сквозь узкое круглое окно моей комнаты на самом верху кирпичной башни. Свет был серым, холодным, насквозь пропитанным балтийским туманом.

Я сидела на краю застеленной кровати, глядя на свою левую руку. Вчера поздно вечером Марк сам перевязал мне ожог. Его пальцы – широкие, с мозолями и тёмным шрамом на костяшке – касались моей кожи с пугающей, почти хирургической осторожностью. Он смыл дрянной пантенол, обработал рану охлаждающим гелем и наложил ровные, стерильные витки чистой марли. Без единого лишнего слова.

Сейчас рука почти не болела, оставив лишь тупую, пульсирующую ломоту.

Из зеркала над комодом на меня смотрела чужая женщина. Слишком коротко остриженные, еще хранящие запах дыма тёмные волосы, глубокие тени под серыми глазами и чужой серый свитер с чужого плеча – Марк принёс его накануне, сухо бросив, что мои джинсы и водолазка стираются. Свитер пах камином, сухой древесиной и дорогим табаком. Его запахом.

Снизу, с первого этажа, донёлся сухой, чёткий стук каблучков и громкий женский голос.

Я спустилась по чугунной винтовой лестнице. На кухне, за тем самым дубовым столом, где вчера заключалась наша сделка, сидела женщина лет пятидесяти. Безупречный тёмно-синий брючный костюм, короткая стрижка с серебряными прядями, тонкая сигарета в изящных пальцах. Она пила чёрный кофе и разглядывала разложенные на столе бумаги.

Эльвира Давидовна Штерн. Лучший адвокат по уголовным делам в области. Женщина, чьё появление в коридорах суда всегда заставляло прокурорских нервно переглядываться.

Марк стоял у панорамного окна, прислонившись плечом к раме, с чашкой в руках. У его ног привычной чёрной глыбой лежал Бруно. Заметив меня, пёс приподнял ухо и едва слышно постучал хвостом по гранитному полу.

– А вот и наша беглянка, – Эльвира Давидовна подняла на меня язвительный, но абсолютно трезвый и собранный взгляд. Она выпустила тонкую струю сигаретного дыма в сторону вытяжки. – Доброе утро, Вера Андреевна. Хотя добрым его назвать трудно.

– Здравствуйте, Эльвира Давидовна, – я подошла к столу, непроизвольно сжав левую руку в кулак.

– Садитесь, милая. Нам нужно обсудить минное поле, на которое вы только что зашли двумя ногами, – Штерн постучала ногтем по подлокотнику стула. – Марк рассказал мне о вашем... соглашении. С точки зрения чистого права – это абсолютное, законченное безумие.

Я молча опустила на стул напротив неё.

– Давайте проговорим диспозицию, чтобы у вас не было иллюзий, – Эльвира Давидовна затянулась. – Если прокуратура или Кравец узнают, что вы находитесь в доме обвиняемого Раевского, дело закрыто. Но не в вашу пользу. Ваши показания о фальсификации протокола обесценят в ту же секунду. Обвинение заявит, что глава синдиката купил, запугал или соблазнил ключевого судебного переводчика. Против вас мгновенно возбудят дело о сговоре и заведомо ложном переводе, а Марка по совокупности нарушений режима отправят прямо в СИЗО №1. Без права на залог.

– Я понимала риски, когда ехала сюда, – тихо ответила я.

– Вы понимали их эмоционально, Вера Андреевна. А я раскладываю их юридически, – отрезала Штерн. – С этой минуты вас не существует. Официально вы исчезли. Ваша подруга Мельникова уже запустила в прессу слух, что вы в шоке уехали к родственникам в Петербург. Вы не выходите в сеть, не звоните никому и не подходите к окнам. Вы – призрак.

Марк отвернулся от окна, сделав шаг к столу:

– Эльвира, как дела по резервной записи?

– Плохо, – честно ответила адвокат, затушив сигарету в пепельнице. – Вчера в шестнадцать ноль-ноль я подала официальный запрос на истребование резервной копии видеозаписи допроса Феррары от двадцать четвёртого октября. Мне ответили, что на сервере произошел технический сбой. Файл повреждён.

Я вздрогнула. Папа был прав. Система уничтожала цифры так же легко, как подделывала слова.

– Но они не учли одного, – продолжала Штерн, хитро прищурившись. – У нас остался рабочий дневник Веры с тайм-кодами. И остался сам Феррара, которого нам нужно найти быстрее, чем его найдет Кравец. Корсак уже со с ног сбился в порту.

Эльвира Давидовна собрала бумаги в кожаную папку, поднялась и строго посмотрела на нас обоих:

– Я уезжаю в суд. Сидите тихо. И ради бога... соблюдайте дистанцию. Если я замечу хоть намек на личную связь между обвиняемым и свидетелем, я лично вышвырну вас обоих из этого процесса.

Когда за адвокатом закрылась тяжелая входная дверь, в доме снова установилась глухая, плотная тишина, разбавляемая только шумом шторма за стеклом.

– Пойдём, – негромко сказал Марк. – Я покажу тебе дом. Чтобы ты знала границы.

Экскурсия была короткой и сухой. Бетон, стекло, выдержанные тёмные тона. Нижний уровень – кухня, холл, спортивный зал и оружейная комната, запечатая на массивный замок. Второй уровень – кабинет, спальня Марка и библиотека. Третий уровень – башня, где находилась моя комната.

Мы вышли на широкую крытую террасу, выходящую прямо в дюны. Ледяной ветер мгновенно ударил в лицо, заставив меня сжаться в его огромном свитере. В пятидесяти метрах от дома начинался песчаный пляж, за которым бушевало серое, покрытое белой пеной море. Усадьбу окружал высокий забором из бетонированных секций, по верху которого тянулась не приметная проволока датчиков.

Марк остановился у самого края террасы. Он был в одном сером свитере, словно не замечал ледяного порывистого ветра.

Я опустила взгляд. Из-под штанины его тёмных брюк проступал контур чёрного пластикового браслета.

– Вот здесь заканчивается моя территория, – Марк указал подбородком на ровную линию брусчатки перед песком. – Сантиметр вправо – и прибор на щиколотке подает сигнал на пульт ФСИН. Через восемь минут здесь будет оперативная группа.

Он повернул ко мне голову. На его широком, скуластом лице с резким шрамом через бровь не было выражения. Но в серых глазах читалась странная, тяжёлая ирония.

– У тебя свой забор – Кравец и прокуратура в городе. У меня свой – этот пластиковый дрянной браслет, – произнёс он тихо. – Две тюрьмы под одной крышей, Вера.

– Моя тюрьма хотя бы оставляет мне право выбирать, с кем сидеть, – ответила я, глядя на штормовое море.

На его губах на секунду застряла тень тёплой усмешки, но он тут же снова стал серьезным.

Мы вернулись на кухню. Холод снаружи заставил меня дрожать. Я подошла к кухонному блоку, чтобы налить себе горячей воды из чайника. Пальцы левой, забинтованной руки плохо слушались, и когда я потянулась к тяжелой керамической чашке, рука дернулась.

Чашка качнулась, готовая упасть на гранитный пол.

Марк сработал мгновенно. Сделал шаг вперед, подхватывая чашку снизу. Моя правая рука в этот же миг судорожно дернулась вниз, защищая посуду.

Наши пальцы встретились.

Его ладонь была огромной, горячей и шершавой. Мои пальцы – холодными и тонкими. Это прикосновение прошло меня от кончиков ногтей до самого сердца, словно через тело

пропустили слабый электрический разряд. Воздух между нами мгновенно сгустился, превратившись в раскалённый вакуум. Я замерла, подняв глаза, и уткнулась прямо в его нечитаемый, потемневший взгляд. Он смотрел на меня сверху вниз, и в этой тишине слышно было только, как тяжело и ритмично бьется его пульс.

Второе условие. *Никаких прикосновений.*

Мы оба одновременно, словно обжегшись, отдёрнули руки. Чашка со стуком встала на столешницу. Марк отступил на шаг назад, заложив руки за спину. Его желваки на скулах ходили ходуном.

– Свари себе кофе, – сухо бросил он, поворачиваясь к выходу. – Я буду в кабинете.

Он ушел, а я ещё долго стояла у кухонного острова, глядя на свою руку. Кожа все еще хранила суховатое, тяжелое тепло его руки.

Чтобы отвлечься от дурацких, опасных мыслей, я заставила себя заняться делом. Поднялась в свою комнату, забрала с кровати черный рабочий дневник и спустилась на второй этаж, в библиотеку.

Мне нужно было восстановить допрос Феррары до мельчайших деталей. Перевести каждую его паузу, каждое фонетическое сдвижение в понятную структуру, которую Эльвира Штерн сможет использовать в суде.

Библиотека Раевского была удивительным местом. Высокие дубовые стеллажи от пола до потолка, забитые книгами, запах кожи, старой бумаги и лака. Я села за широкий деревянный стол у окна, раскрыла дневник и положила перед собой чистый лист бумаги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.